

НАУЧНЫЙ
ФОРУМ
nauchforum.ru

ISSN: 2542-128X

№7(78)

НАУЧНЫЙ ФОРУМ:
ЮРИСПРУДЕНЦИЯ, ИСТОРИЯ
СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ,
И ФИЛОСОФИЯ

МОСКВА, 2023

НАУЧНЫЙ ФОРУМ:
**ЮРИСПРУДЕНЦИЯ, ИСТОРИЯ,
СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ
И ФИЛОСОФИЯ**

*Сборник статей по материалам LXXVIII международной
научно-практической конференции*

№ 7 (78)
Июль 2023 г.

Издается с ноября 2016 года

Москва
2023

УДК 1/14+31/34+93/94

ББК 6+87

НЗ4

Председатель редколлегии:

Лебедева Надежда Анатольевна – доктор философии в области культурологии, профессор философии Международной кадровой академии, член Евразийской Академии Телевидения и Радио.

Редакционная коллегия:

Бектанова Айгуль Карибаевна – канд. полит. наук, доц. кафедры философии Кыргызско-Российского Славянского университета им. Б.Н. Ельцина, Кыргызская Республика, г. Бишкек;

Бахарева Ольга Александровна – канд. юрид. наук, доц. кафедры гражданского процесса ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», Россия, г. Саратов;

Лобазова Ольга Федоровна – д-р филос. наук, проф. кафедры философии Российского государственного социального университета, Россия, г. Москва;

Мащитько Сергей Михайлович – канд. филос. наук, доц. кафедры философии Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники, Беларусь, г. Минск;

Попова Ирина Викторовна – д-р социол. наук, проф. кафедры истории России Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, Россия, г. Кострома.

НЗ4 Научный форум: Юриспруденция, история, социология, политология и философия: сб. ст. по материалам LXXVIII междунар. науч.-практ. конф. – № 7(78). – М.: Изд. «МЦНО», 2023. – 68 с.

ISSN 2542-128X

Статьи, принятые к публикации, размещаются на сайте научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU.

ББК 6+87

ISSN 2542-128X

© «МЦНО», 2023

Оглавление	
Раздел 1. История и археология	5
1.1. Всеобщая история	5
ГРЕКО-ТУРЕЦКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1908 г. Гаврилиди Янис Николаевич	5
Раздел 2. Социология	10
2.1. Социальная структура, социальные институты и процессы	10
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НЕВЕРБАЛЬНЫХ СИГНАЛОВ В МЕЖЛИЧНОСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ: ЗНАЧИМОСТЬ ЖЕСТОВ И МИМИКИ Крижевская Алина Леонидовна	10
Раздел 3. Юриспруденция	15
3.1. Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право	15
МЕТОДЫ БОРЬБЫ С ФИКТИВНЫМИ БРАКАМИ Белоус Артём Алексеевич	15
ЗАЩИТА ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВА И ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ ФИЗИЧЕСКОГО ЛИЦА: ОПЫТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, США И ВЕЛИКОБРИТАНИИ Долидзе Лидия Багратовна	21
3.2. Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право	34
ОБ ОБЯЗАТЕЛЬНОСТИ РЕШЕНИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ Мешков Игорь Викторович	34
3.3. Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве	44
ВЛИЯНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ ПРАВОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ НА ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Кузубова Ангелина Юрьевна	44

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО
УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ «ВОЙН
ПАМЯТИ» («ВОЙН ПАМЯТНИКОВ») В СОВРЕМЕННЫХ
ПУБЛИКАЦИЯХ (ОБЗОР ДИСКУССИЙ, ПРЕДЛОЖЕНИЙ,
РЕКОМЕНДАЦИЙ) 49
Рубин Владимир Александрович

**3.4. Уголовное право и криминология; уголовно
исполнительное право 60**

ПРЕСТУПНЫЕ СООБЩЕСТВА (ПРЕСТУПНЫЕ
ОРГАНИЗАЦИИ) В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ 60
Симонова Анастасия Николаевна

РАЗДЕЛ 1.

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

1.1. ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

ГРЕКО-ТУРЕЦКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1908 Г.

Гаврилиди Янис Николаевич

аспирант,

Федеральное государственное бюджетное

образовательное учреждение высшего образования

Российский государственный педагогический университет

им. А.И. Герцена,

РФ, г. Санкт-Петербург

GREEK-TURKISH RELATIONS IN 1908

Yanis Gavrilidi

Graduate student,

Herzen State Pedagogical

University of Russia,

Russia, St. Petersburg

Аннотация. В статье была дана общая характеристика греко-турецких отношений 1908 г. относительно стремлений греческого руководства к заключению союза двух государств после прихода к власти в Османской империи младотурецкого правительства.

Abstract. The article gave a general description of the Greek-Turkish relations in 1908 regarding the aspirations of the Greek leadership to conclude an alliance of the two states after the Young Turk government came to power in the Ottoman Empire.

Ключевые слова: история Греции; греко-турецкие отношения; история Балкан;

Keywords: History of Greece; Greek-Turkish relations; history of the Balkans

Греко-турецкие отношения в первое десятилетие XX века продолжали оставаться довольно напряженными по различным вопросам, к которым относились правовое положение греческого населения, проживающего в Османской империи, а также территориальные споры между государствами, где ведущую роль играл критский вопрос, приведший к первой греко-турецкой войне 1897 г.

Однако приход к власти в Османской империи партии младотурков в 1908 г. вызвал надежду среди определенной части греков на улучшение отношений между греческим и турецким государством [5, с. 27-29].

По этому поводу критский политик, будущий премьер-министр Греции Э. Венизелос 11 августа 1908 г., объяснил в колонках «Вестника» Ханьи свои надежды на будущее развитие греко-турецких отношений, рассчитывая на то, что приход младотурков к власти приведет к более тесному и искреннему сотрудничеству между греками и турками [9, с. 65].

Эти ожидания Э. Венизелоса могли обосновываться и на том, что младотурецкая революция была встречена с воодушевлением как греками, так и турками, которые вместе праздновали конец султанского правления.

За сближение между Грецией и Турцией в преддверии балканских войн 1912-1913 гг. были и известные греческие политики, идеологи греко-турецкого союза И. Драгумис и А. Сулиотис-Николаидис, возражавшие против идеи бывшего премьер-министра Греции Х. Трикуписа по объединению малых балканских стран против Турции, выступая за сохранение Османской империи, считая, что необходимо заключить соглашение с Портой против славянских государств Балканского полуострова, угрожавшим эллинизму на Балканах [7, с.281-285].

Примерно в таком же ключе первоначально рассуждал и Э. Венизелос, выступая за сохранение территориальной целостности Османской империи и за создание греко-турецкой федерации, которая соответствовала бы интересам эллинизма в связи с тем, что в случае распада Порты греческое государство не смогло бы реализовать свои национальные территориальные интересы на Балканах в полном объеме из-за противодействий других государств Балканского полуострова [8, с. 284].

Характеризуя политическую атмосферу в Греции в тот период, О.Е. Петрунина указывает, что многие из греческих политиков настолько

уверовали в достигнутую незыблемость греко-турецкой дружбы после прихода к власти младотурок, что открыто говорили о возрождении Византии, о создании дуалистической империи со столицей в Константинополе [2, с. 52].

Между тем, действительно на межгосударственном уровне, в то время, как казалось многим греческим политикам, греко-турецкие отношения после младотурецкого переворота имели большие перспективы для развития в связи с внешнеполитической ситуацией, сложившейся на Балканском полуострове.

Инициативу в сближение двух государств проявляло греческое правительство под руководством Г. Феотокиса, которое стремилось воспользоваться объявлением независимости Болгарии от Османской империи, предлагая заключить греко-турецкий союз в случае, если турецкое руководство согласится на передачу Крита греческому государству и предоставит конституционные гарантии грекам, проживающим в Турции [5, с. 28].

Характеризуя внешнюю политику Греции в начале XX в., О.Е. Петрунина считает, что греческое руководство стремилось использовать Порту в качестве своего союзника, опасаясь «славянской угрозы» в Македонии, которая настолько овладела греческими умами, что стала оказывать влияние не только на общество, но и на принятие политических решений [2, с. 51].

В то же время и Р.Р. Субаев в своем исследовании ссылается на опасения греков о возможном усилении болгарского влияния в Македонии.

Однако, кроме македонского вопроса, по мнению российского исследователя, правительство в Афинах стремилось достичь политического соглашения с новым режимом и для обеспечения прав и положения греков в империи, а также для того, чтобы достигнуть благоприятного для себя разрешения критского вопроса и добиться соединения греческих и турецких железных дорог, что обеспечило бы прямую связь Греции с Европой посуху, что являлось давней целью Афин [3, с. 123].

По-моему мнению, взгляды российских исследователей на греческую внешнюю политику в начале XX века являются абсолютно верными. Действительно, важную роль для руководства Греции в то время имел критский вопрос, правовое положение греков в Турции, а также судьба Македонии, где греческое правительство серьезно опасалось того, что после получения болгарскими независимости еще более возрастет вероятность дальнейшего перехода Македонии в состав Болгарии, где греческие и болгарские партизаны боролись между собой за установления своего влияния в этом регионе при попустительстве турецкого руководства.

Однако в октябре 1908 г. в связи с боснийским и болгарским кризисами младотурки выступили против каких-либо переговоров по Криту, возлагая одновременно на греческое правительство ответственность за любые действия, которые критяне могли бы предпринять для объединения с Грецией, воспользовавшись ситуацией на Балканах [5, с. 28].

Отказ младотурок американский исследователь Э. Хельмерх объясняет тем, что младотурецкое правительство, опасаясь ухудшения ситуации внутри государства, было полно решимости не отдавать Крит после того, как им пришлось смириться с потерей Болгарии и Боснии и Герцеговины [6, с. 70].

Характеризуя отказ младотурок от греко-турецкого сотрудничества, М.В. Кирсенко полагает, что Порта тем самым упустила возможность сблизиться с Грецией, представившуюся во время боснийского кризиса и обострения болгаро-турецких отношений в связи с провозглашением независимости Болгарии, где турецкое руководство не желало поступиться призрачным суверенитетом над Критом, хотя остров фактически уже был свободен, ибо державам покровительницам пришлось эвакуировать с него свои войска под давлением народной борьбы критян, настойчиво требовавших воссоединения с Грецией [1, с. 35].

В свою очередь, касаясь критского вопроса, английский историк Д. Дакин подчеркивает, что Крит перестал представлять жизненно важный интерес для Османской империи, так как остров был отдаленным, не имел большой экономической ценности и практически являлся независимым.

Но из соображений престижа и учитывая мнения своего народа, для младотурков критский вопрос был делом чести [4, с. 408-409].

На основании вышеизложенного можно утверждать, что отказ младотурок от греко-турецкого союза в 1908 г. сыграл важную роль в дальнейших событиях на Балканском полуострове, где в ходе первой Балканской войны 1912-1913 гг. Турция утратила почти полностью контроль над Балканами, потерпев сокрушительное поражение от Балканского союза.

Список литературы:

1. Кирсенко М.В. Роль Греции в образовании Балканского союза 1912 года // Советское славяноведение. — 1973. — № 3.
2. Петрунина О.Е. Представления греков о судьбе Османской империи в XVIII – начале XX в. // Вестник Московского университета. – Серия 13. – Востоковедение.
3. Субаев Р.Р. Идеология греческого национального движения в младотурецкой революции: ирредентизм и имперско-федералистский эллинизм // Славянский альманах – 2016.

4. Douglas Dakin. The Greek Struggle in Macedonia, 1897-1913. Institute for Balkan Studies, 1966.
5. Helen Gardikas Katsiadakis: Greece and the Balkan Imbroglío. Greek Foreign Policy 1911-1913, Σύλλογος πρὸς διάδοσιν ὠφελίμων βιβλίων. Athens 1995.
6. Helmreich E.C. The Diplomacy of the Balkan Wars, 1912-1913. Harvard University Press. Cambridge 1938.
7. Xanalatos, D. The Greeks and the Turks on the Eve of the Balkan Wars // Balkan Studies 3. – Thessaloniki, 1962.
8. Ιστορία του Ελληνικού Έθνους / Εκδοτική Αθηνών. Τόμος ΙΔ΄ Νεώτερος Ελληνισμός από 1861 έως 1913.
9. Κωνσταντίνος Δ. Σβολόπουλος. Η ελληνική εξωτερική πολιτική 1900-1945. – Εκδότης: Εστία, 2008.

РАЗДЕЛ 2.

СОЦИОЛОГИЯ

2.1. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НЕВЕРБАЛЬНЫХ СИГНАЛОВ В МЕЖЛИЧНОСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ: ЗНАЧИМОСТЬ ЖЕСТОВ И МИМИКИ

Крижевская Алина Леонидовна

преподаватель-стажер,

УВО Могилевский государственный университет

имени А.А. Кулешова,

Республика Беларусь, г. Могилев

THE USE OF NONVERBAL SIGNALS IN INTERPERSONAL COMMUNICATION THE SIGNIFICANCE OF GESTURES AND MIMICS

Alina Krizhevskaya

Trainee teacher

in Mogilev state university

named after A. Kuleshov,

Republic of Belarus, Mogilev

Аннотация. Статья посвящена изучению невербальной коммуникации и ее роли в межличностном общении. В статье анализируется важность и влияние жестов и мимики на эффективность коммуникации. Рассматриваются различные аспекты невербального поведения, такие, как выражение эмоций, установление контакта с собеседником и выражение личности.

Abstract. The article is devoted to the study of non-verbal communication and its role in interpersonal communication. The article analyzes the importance and influence of gestures and facial expressions on the effectiveness of communication. Various aspects of non-verbal behavior are considered, such as the expression of emotions, establishing contact with the interlocutor and the expression of personality.

Ключевые слова: невербальная коммуникация; межличностное общение; жесты; мимика; канал общения.

Keywords: non-verbal communication; interpersonal communication; gestures; facial expressions; communication channel.

Ежедневно индивид вступает в коммуникацию с другими людьми при различных обстоятельствах. В процессе такого взаимодействия решаются определенные задачи, и степень развития этого взаимодействия зависит от их выполнения. Взаимодействие человека с окружающей средой, его личное и профессиональное развитие невозможно без общения. Помимо вербальных компонентов, в процессе взаимодействия участвуют и невербальные компоненты. Невербальное общение – это обмен невербальными сообщениями между людьми, а также интерпретация этих сообщений. Невербальные средства коммуникации выполняют различные функции: дополняют вербальное сообщение, передают тот же смысл; заменяют недостающий вербальный компонент; вводят дополнительную информацию; регулируют вербальное общение; выражают эмоции; проявляют отношение к собеседнику; отражают его личные качества [1, с. 70].

Важной характеристикой невербальных средств по сравнению с вербальными является их состояние. Невербальные сообщения отражают то, что происходит с людьми в процессе взаимодействия «здесь и сейчас» в определенной ситуации, в определенном контексте. Тон голоса, громкость, жесты, мимика, движения указывают только на текущее состояние говорящих, их отношение друг к другу и тему разговора в момент общения. Вербальные сообщения могут существовать независимо от их автора, сообщая об отсутствующих объектах и явлениях. Альберт Мерабян в 50-х годах XX века обнаружил, что информация любого сообщения делится следующим образом: 7% передается вербально, 38% – вокально (по тону голоса, ударению и артикуляции) и 55% – невербальными сигналами. Рэй Бердвистелл обнаружил, что вербальный компонент межличностного общения составляет менее 35%, а более 65% информации передается невербально [5, с. 30]. Особенность невербального языка заключается в том, что его выражение вызвано импульсами нашего подсознания, и неспособность подделать эти

импульсы позволяет нам доверять этому языку больше, чем обычному вербальному каналу общения.

Таким образом, невербальное общение практически не контролируется участниками разговора. Человеческое сознание контролирует только речь, невербальные аспекты остаются вне его влияния, поскольку они являются частью бессознательного. Однако это не мешает их легко воспринимать собеседнику и помогает ему правильно понять смысл информации, передаваемой словами. Понимание языка мимики и жестов позволяет более точно определить позицию собеседника.

Невербальные способы общения имеют два типа происхождения, а именно биологическую эволюцию и культуру. Невербальные средства общения необходимы для: регулирования процесса коммуникативного взаимодействия, установления психологической связи между собеседниками; обогащения значений, передаваемых словами, направление интерпретации вербального контекста; выражения чувств и размышления о интерпретации ситуаций. Основными элементами невербального поведения являются различные движения и особенности внешности человека, такие как выражения лица, жесты, взгляды, позы, интонация, волосы, макияж, одежда и аксессуары, которые тесно связаны с динамикой изменения психологического состояния человека. Однако жесты и выражения лица считаются наиболее важными в общении.

Жесты представляют собой средство невербального общения. Обычно жесты выражают отношение не к чему-либо, а к эмоционально значимой информации; в ритмической адаптации к интонации, стрессам и паузам жесты помогают сосредоточить внимание слушателя на определенных «стрессовых» частях высказывания. Они вызывают ситуации и отношения партнеров по общению, поскольку могут влиять на человека больше, чем на речь [2, с. 124]. Один жест может быть эквивалентен нескольким словам и требует меньше времени, чтобы спланировать и выразить его; это полезно для фраз, которые можно выполнять мимолетно. Однако не все жесты выполняют информативную функцию.

Человеческие эмоции порождают типичную мимическую реакцию, связанную с активностью лицевых мышц. Эмоциональные выражения лица не передаются статичными или замедленными сигналами, но они могут оказывать значительное влияние на наше субъективное восприятие конкретного эмоционального выражения и, следовательно, влиять на вербальную составляющую общения. Выражения лица в невербальном общении используются для передачи чувств и представляют собой движение лицевых мышц [4, с. 108]. Подражание может оказать значительное влияние на субъективное восприятие эмоционального выражения. Существует 3 типа имитационных сигналов: статический (форма лица, цвет кожи, разрез глаз, носа, губ); медленный

(изменения внешнего вида с течением времени); быстрый (движения лицевых мышц, временные изменения внешнего вида). Это последний тип сигналов, которые появляются на лице на короткое время и исчезают, только другой человек может это заметить и интерпретировать [1, с. 83].

В настоящее время в научном мире существует некоторое согласие относительно универсальности семантики имитации. В то же время также стало ясно, что эти выражения гораздо лучше контролируются сознанием, чем жесты и движения тела. Это определило наличие значительных межкультурных различий в нормах эмоционального выражения в общении. Специфичные для культуры правила отображения могут усиливать или ослаблять основные выражения эмоций. По этой причине некоторые культуры считаются более открытыми и эмоциональными (например, испанцы, итальянцы, арабы), другие – менее эмоциональными (например, шведы, норвежцы, японцы, китайцы) [3, с. 47].

Таким образом, невербальные компоненты коммуникации действуют как часть её оперативной фазы, не будучи значимыми для коммуникационного процесса в целом и только дополняют, разъясняют, изменяют понимание сообщения получателя. Особую роль в передаче информации, как правило, отводится мимике, то есть движениям лицевых мышц. Выражения лица характеризуются честностью и динамичностью, что означает наличие шести основных эмоциональных состояний – страдание, гнев, радость, страх, удивление и презрение – с координацией всех движений лицевых мышц. Исследования доказывают, что независимо от национальности и культуры, в которой выросли люди, все они точно и последовательно воспринимают подобные лицевые образования как выражение соответствующих эмоций. Жесты также являются одним из основных способов невербального общения. Способность общаться жестами присуща человеку с рождения. Благодаря этому при необходимости люди могут даже выражать себя знаками без предварительной подготовки. Однако их диалог будет очень ограничен по содержанию. Во всех культурах, наряду со словами, существует определенный набор жестов (кинетических выражений), которые универсально понимаются и используются независимо от звука речи. Это определяет реальную возможность для глухих и немых людей найти способы связаться с другими людьми в своей культуре.

Список литературы:

1. Кашкин В.Б. Введение в теорию коммуникации : учеб. пособие / В.Б. Кашкин. – М. : Флинта, 2013. – 224 с.

2. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика : язык тела и естественный язык / Г.Е. Крейдлин. – М. : Новое литературное обозрение, 2002. – 592 с.
3. Мартынова Е.М. Невербальная коммуникация : теории и мнения / Е.М. Мартынова // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. – 2014. – № 4. – С. 47–50.
4. Оксюта А.А. Роль невербальных средств в межличностном общении / А.А. Оксюта // Педагогика и психология образования. – 2002. – № 3. – С. 107–110.
5. Хамицева С.В. Особенности невербальной коммуникации / С.В. Хамицева // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2015. – № 1. – С. 29–33.

РАЗДЕЛ 3.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

3.1. ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

МЕТОДЫ БОРЬБЫ С ФИКТИВНЫМИ БРАКАМИ

Белоус Артём Алексеевич

студент,

Оренбургский институт (филиал)

Московского государственного юридического университета

имени О.Е. Кутафина (МГЮА),

РФ, г. Оренбург

THE TITLE OF SCIENTIFIC PAPER

Artyom Belous

Student,

Orenburg Institute (branch)

Kutaфин Moscow State Law University (MSAL),

Russia, Orenburg

Участившиеся случаи совершения террористических актов отнюдь не способствуют созданию и реализации общественной безопасности и спокойствия [10, С. 46]. Нередко их совершение становится возможным благодаря фиктивному браку [9, С. 89]. Известны как высказывания политиков, так проекты нормативных правовых актов, которые направлены на ограничение возможности регистрации фиктивного брака. В 2017 г. была осуждена сотрудница ЗАГСa, регистрировавшая фиктивные браки [3]. В данном случае, конечно, следует учитывать, что браки

не просто были фиктивными, а вовсе не заключались, и к ответственности работница была привлечена в связи с изготовлением поддельных документов для предоставления иностранным гражданам возможности приобрести российское гражданство. Тем не менее, это создает потребность в выработке единой судебной практики привлечения к уголовной или административной ответственности лиц, заключающих и регистрирующих фиктивные браки, а также в возможности принятия соответствующих нормативных правовых актов. Например, возможно привлечение иностранных граждан, прибегающих к заключению фиктивного брака, к уголовной ответственности в зависимости от целей приобретения гражданства: по статье 159 Уголовного кодекса Российской Федерации [11, С. 54] в случае, если очевидно, что лицо при получении гражданства преследовало исключительно цель его получения, либо пыталось приобрести недвижимость на территории Российской Федерации путем регистрации в квартире супруга или при разделе имущества; по статье 205 анализируемого кодекса – в случае, если лицо готовилось к совершению террористического акта на территории Российской Федерации, или по другим статьям кодекса, в особенности, если для квалификации по соответствующей статье требуется установление специальной цели или роль играет мотив. При этом важно учитывать, что каждый случай уникален, и следует детально устанавливать, действительно ли в действиях содержался состав преступления.

Возможно привлечение заключивших фиктивный брак к гражданско-правовой ответственности, как исключительно, так вместе, например, с привлечением к уголовно-правовой ответственности [8], притом не только иностранного гражданина, но и россиянина, решившегося на такой шаг, например, ради получения материальной выгоды. К обеим сторонам применимы положения статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации [4, С. 125], так как государственная регистрация фиктивного брака соответствует признакам злоупотребления правом, вследствие чего суд вправе отказать такому лицу в защите его прав в части, где он злоупотребил собственным правом. Например, в случае очевидной фиктивности брака суд может отказать в приёме лица в гражданство Российской Федерации, а лицу, пошедшему на заключение брака с иностранным гражданином ради получения материальной выгоды – в аннулировании брака с момента его заключения с целью аннулирования всех юридических последствий (регистрации иностранного гражданина в квартире этого лица, режима общей совместной собственности). Стоит, конечно, признать, что вторая ситуация не вполне правомерна в силу положений статьи 46 Конституции Российской

Федерации, устанавливающей равное право всех граждан на судебную защиту. Положения статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации [4, С. 125] применяются в том случае, если лицо требует защиты права, которое само же неверно применило и тем самым причинило ущерб или создало ситуацию, в которой соответствующее право возникла необходимость защищать; желает получить выгоду вследствие того, что имеет возможность защитить свои права. В случае же, если лицо, заключившее брак с иностранцем, было введено в заблуждение, то есть полагало, что брак создан с намерением создать семью, но мнение второй стороны отличалось, целесообразно привлечение к гражданско-правовой ответственности исключительно иностранного гражданина.

Одним из направлений правового регулирования брака в Российской Федерации можно назвать попытки законодателя запретить иностранцам жить вдали от семей [6]. Были предусмотрены некоторые меры, которые предусматривали при определенных обстоятельствах раздельное проживание супругов. Однако проект принят не был, и в силу достаточно понятных причин: возможно создать видимость совместной жизни, как в настоящее время некоторые фиктивные супруги и поступают; то есть подобные меры не гарантируют выявления фиктивных браков.

Следующий шаг в части предложений по внесению изменений в законодательство был сделан в 2021 г. внесением Президентом Российской Федерации предложения о поправках к Федеральному закону «О гражданстве Российской Федерации» [5,12]. Одним из ключевых моментов названного законопроекта было признание возможности приёма в российское гражданство только при наличии у иностранного лица и гражданина Российской Федерации общих детей. Тем не менее, стоит отметить, что это вовсе не является гарантом действительности брака: известны случаи, когда российские граждане имели детей от лиц, не являющихся вторым супругом. Вне зависимости от того, кем именно является биологический отец, при рождении в соответствующую графу автоматически вносится имя супруга. Подтвердить отцовство или его опровергнуть возможно только посредством проведения генетической экспертизы, что законопроектом не предусматривалось.

В 2022 г. своё мнение относительно фиктивных браков высказал Д.А. Медведев [7], выступивший за возможность внедрения некоторых инструментов против фиктивных браков, применяемых странами с более развитым законодательством – США, Германией и другими. Действительно, в развитых странах предприняты попытки выработки механизма в отношении иностранных граждан, желающих заключить

брак с гражданином США. Например, изучается история обеих сторон – сколько браков было у гражданина США, был ли иностранный гражданин осужден за мошенничество, по какой визе въехал иностранец, встречались ли лично лица, желающие заключить брак (необходимо представить доказательства, что за последние два года была встреча [1]). Предусмотрена уголовная ответственность за «брачное мошенничество». Тем не менее, подобные меры гарантированно не обеспечивают невозможность регистрации фиктивного брака. Вместе с тем стоит учитывать, что любое законодательство и иные меры несовершенны и в зависимости от продуманности действий сторон могут оказаться недейственными. Однако уровень развитости законодательства определяется соотношением его с текущим состоянием общественных отношений в конкретном государстве. Следовательно, опыт США применим и к Российской Федерации, но для его внедрения необходимо подготовить «базу»: создать структуру органов управления, которые будут осуществлять те или иные функции (например, анализа биографии мигранта и гражданина Российской Федерации с целью определения потенциальной возможности совершения ими преступления), внести изменения не только в Уголовный кодекс Российской Федерации, но и во многие другие нормативные правовые акты.

Государственная регистрация брака с целью получения гражданства Российской Федерации тесно связана не только с общественным сознанием, но и с его частью – правовым сознанием. Возможность влияния на формирование как общественного, так и правового сознания иностранных граждан весьма ограничена, но в фиктивных браках всегда две стороны, и одна из них как раз такая, на которую воздействовать можно. В связи с этим, вероятно, целесообразно принятие дополнительных мер, направленных на формирование определенного общественного сознания, повышения ценности для конкретного лица моральных и нравственных норм. Существуют уроки нравственности в начальной школе [2], и вопрос только в том, чтобы направить нравственное развитие на формирование конкретного отношения к общественным отношениям, в том числе складывающихся в институт семьи.

Правосознание также влияет на развитие общественных процессов. В конце концов правосознание субъекта или группы лиц является причиной преступности, поэтому данный вопрос весьма подробно изучается и в уголовном праве, и в криминологии, и в науке гражданского права. В связи с этим большую роль в характеристике правосознания играет установление всех объективных и субъективных признаков, которые в единстве своём создают систему, способствующую его развитию и становлению. Повлиять на эту систему возможно посредством

оказания влияния на правовую психологию и правовую идеологию, а также создания справедливой правовой системы.

Чтобы совершенствовать правосознание граждан Российской Федерации, помимо принятия федеральных законов, направленных на развитие правосознания и правовой культуры, необходима также совокупность иных мер, образующих гармоничную систему, которая в свою очередь уже и будет способствовать удовлетворенности социальных групп государством и правом. Например, целесообразно в рамках обеспечения такого развития принятие постановления Правительства Российской Федерации, содержащего нормы о правовом воспитании в школах, направленном на понимание законодательства. Способно повлиять на развитие правового сознания положение о внедрении в учебный процесс компьютерных технологий, направить обучение не на развитие глубоких юридических знаний, а на умение работать с текущим законодательством с использованием возможностей, предоставленных справочно-правовыми системами, а также со справочными материалами, содержащими в использующими корректную и актуальную информацию.

Развиваться должна также судебная практика. Предложения по применению существующих норм в законодательстве по отношению к лицам, заключающим и регистрирующим фиктивные браки, уже выносились в работе, и стоит лишь дополнительно обратить внимание, что необходим ряд дополнений в законодательство с целью привлечения к ответственности прибегающих к такому методу лиц. Тем не менее, только лишь ответственность за совершение определенных действий не гарантирует выявления всех случаев фиктивных браков или нежелания лиц прибегать к нему, что требует выработки дополнительного механизма, защищающего брак как институт.

Список литературы:

1. Immigration to the USA [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.unipage.net/en/immigration_usa (дата обращения: 04.06.2023).
2. Анташева Ю. Начальная школа: уроки нравственности // Социальная педагогика. 2011. №3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nachalnaya-shkola-uroki-nravstvennosti> (дата обращения: 03.07.2023).
3. В Волгограде сотрудницу ЗАГСа осудили за фиктивные браки. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2017/04/19/reg-ufo/v-volgograde-vynesen-prigovor-za-fiktivnye-braki-s-inostrancami.html?> (дата обращения: 01.06.2023).

4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) [Текст]: от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019) // Собрание законодательства РФ. – 05.12.1994. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/7279> (дата обращения: 02.07.2023).
5. Законопроект № 49269–8 «О гражданстве Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/49269-8/> (дата обращения: 04.06.2023).
6. Иностранцам, женившимся на россиянках, запретят жить вдали от семей. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2018/05/30/inostrancam-zhenivshimsia-na-rossiiankah-zapretiat-zhit-vdali-ot-semej.html>? (дата обращения: 10.06.2023).
7. Медведев выступает за «драконовские» меры против фиктивных браков мигрантов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2022/02/22/medvedev-vystupaet-za-drakonovskie-mery-protiv-fiktivnyh-brakov-migrantov.html>? (дата обращения: 12.06.2023).
8. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 октября 2020 г. № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу» // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2020. № 12, декабрь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_365020/ (дата обращения: 04.06.2023).
9. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (с изм. и доп. от 2 июля 2021 г. № 310-ФЗ) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 05.06.2023).
10. Статистические данные по преступлениям террористической направленности на территории России // Обзор. НЦПТИ. 2021. №. 4 (27). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/statisticheskie-dannye-po-prestupleniyam-terroristicheskoy-napravlennosti-na-territorii-rossii> (дата обращения: 02.07.2023).
11. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.03.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 23.03.2022) // «Собрание законодательства РФ», 17.06.1996. – № 25 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 03.07.2023).
12. Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» (с изм. и доп. от 30 декабря 2020 г. № 517-ФЗ). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 14.06.2023).

ЗАЩИТА ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВА И ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ ФИЗИЧЕСКОГО ЛИЦА: ОПЫТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, США И ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Долидзе Лидия Багратовна

бакалавр

Национального Исследовательского Университета

«Высшая Школа Экономики»,

РФ, г. Санкт-Петербург

THE PROTECTION OF HONOUR, DIGNITY AND BUSINESS REPUTATION OF AN INDIVIDUAL: THE PRACTICE OF THE RUSSIAN FEDERATION, THE USA AND GREAT BRITAIN

Lidiia Dolidze

Bachelor of Law,

National Research University Higher School of Economics,

Russia, Saint Petersburg

Аннотация. Данная статья посвящена компаративному анализу института защиты чести, достоинства и деловой репутации физических лиц в Российской Федерации, США и Великобритании. В исследовании сравнивается законодательство, регламентирующее критерии и способы защиты, а также правовой режим истцов и ответчиков. Законодательное регулирование имеет свои сходства и различия: в частности, регламентация в России сильно отличается от законодательства США и Великобритании. При этом каждый правовой порядок требует совершенствования посредством законотворческой и правоприменительной деятельности.

Abstract. This article is devoted to the comparative analysis of the institute of protection of honor, dignity and business reputation of individuals in the Russian Federation, the USA and Great Britain. The research focuses on legislation regulating the conditions and methods of protection, as well as legal regime of claimants and defendants. The legal regulation has its similarities and differences: particularly, the regulation in Russia highly differs from the US and the UK legislation. At the same time, each legal framework requires improvement through legislative and law enforcement work.

Ключевые слова: защита чести, достоинства и деловой репутации; компаративный анализ.

Keywords: the protection of honor, dignity and business reputation; comparative analysis.

Права на честь, достоинство и деловую репутацию входят в группу личных неимущественных прав, приобретаемых от рождения, и являются одними из самых значимых элементов правового статуса лица. Они неотчуждаемы и во многом определяют лицо как личность, что обуславливает их социальную и правовую ценность. Права на честь, достоинство и репутацию являются законным базисом любого правового государства, закреплены в национальных нормативных актах, а также регламентированы на международном уровне. Так, например, в ст. 12 Всеобщей декларации прав человека говорится, что никто не может подвергаться произвольным посягательствам на честь и репутацию, а от умаления этих прав каждый человек защищен законом [2, с. 3]. То же закреплено и в ст. 17 Международного пакта о гражданских и политических правах [9, с. 7]. Кроме того, регламентирован запрет бесчеловечного и унижающего достоинства обращения (ст. 5 Всеобщей декларации прав человека [2, с. 5]; ст. 7 Международного пакта о гражданских и политических правах [9, с. 3]). Аналогичное положение содержится в ст. 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод [7, с. 2]. В настоящее время принцип уважения чести, достоинства и репутации лиц является всеобщим правовым принципом, а регламентация этих прав обуславливает их охрану государством, которое предоставляет защиту каждому лицу, чьи честь, достоинство или деловая репутация были нарушены.

Нарушение этих прав может выражаться в разных формах. Так, честь и достоинство могут быть умалены путем оскорбления, насмешки, клеветы или нанесения физического ущерба на публике. В XXI веке чаще всего эти права нарушаются посредством распространения порочащих сведений (диффамации). Масштабный характер этот способ приобрел в связи с активным всемирным развитием различных каналов средств массовой информации (далее – СМИ), самым обширным из которых на данный момент является информационно-телекоммуникационная сеть «Интернет». Используя различные ресурсы, каждый вне зависимости от местонахождения может открыто или анонимно транслировать недостоверные порочащие сведения о человеке, чувствуя себя безнаказанным. Однако пострадавшее лицо вправе обратиться за законной защитой своих прав, посчитав их нарушенными. Этим и объясняется актуальность данной статьи.

При этом неудивительно, что разные государства обладают различными механизмами охраны и защиты прав на честь, достоинство и деловую репутацию. На законодательном уровне в каждой стране могут быть установлены определенные требования к сведениям, доказыванию их истинности или ложности, сторонам, процессуальные особенности. В контексте данного исследования на основании этих и иных критериев будут проанализированы механизмы защиты в Российской Федерации, США и Великобритании. Такой выбор стран обусловлен тем, что, тогда как Россия относится к романо-германской правовой системе, США и Великобритания принадлежат отличной от нее англо-саксонской правовой семье. При этом, несмотря на то, что законодательство США этой сферы отчасти базировалось на нормах Великобритании, между ними все же есть немало отличий. Поэтому законодательная база государств с их сходствами и различиями довольно ярко отражает сложное регулирование охраны этих личных неимущественных прав.

Одной из главных задач законодательства, регламентирующего защиту чести, достоинства и деловой репутации, является создание грамотного и объективного баланса между возможностью защиты этих права и права на свободу слова и печати представителей СМИ и обычных граждан. Так, согласно п. 2 ст. 10 Конвенции о защите прав человек и основных свобод право на свободу выражения мнения может быть ограничено для защиты репутации и прав других лиц [7, с. 6]. Однако этот вопрос все же ставит в затруднительное положение как законодателей, побуждая их реформировать законодательные акты, так и правоприменителей, что создает трудности при разрешении споров. Ведь различные правовые системы отдадут предпочтение разным правам, негласно ставя то или иное право в более привилегированное положение.

Начать сравнение стоит с рассмотрения законодательной базы стран в сфере защиты чести, достоинства и деловой репутации. На данный момент в Российской Федерации нет единого нормативного акта, регламентирующего данный вопрос. Отдельные нормы содержатся в Гражданском (ст. 150-152) [3] и Уголовном кодексах (ст. 128.1) [12], а также в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (ст. 5.61, ст. 5.61.1) [6]. Важными актами являются также Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести, достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» (далее – ПП ВС № 3) [10] и Закон «О средствах массовой информации» [5]. Стоит, вдобавок, отметить, что в качестве основополагающего принципа нормы о чести и достоинстве закреплены в Конституции Российской Федерации. Так, в ч. 1 ст. 21 Конституции РФ говорится, что ничто

не может быть основанием для умаления достоинства личности, охраняемого государством [8, с. 8]. В ч. 3 ст. 23 Конституции РФ регламентировано право каждого на защиту чести и доброго имени [8, с. 9]. В этой связи несмотря на то, что Конвенция о защите прав человека и основных свобод прекратила свое действие в отношении Российской Федерации, положения о запрете унижающего достоинство человека обращения сохраняют свою силу в Конституции, определяя, в том числе, право на защиту достоинства в России [13]. В Великобритании положения о защите главным образом содержатся в Законе о диффамации 1996 года, закрепляющем перечень критериев и порядка защиты от диффамации, права и обязанности виновного и пострадавшего [15]. Также важен английский Закон о диффамации 2013 года, реформировавший положения 1996 г. [16]. В США же, напротив, нет единого национального законодательства, регламентирующего нормы по защите прав на честь, достоинство и деловую репутацию. Различные положения, закрепляющие условия и принципы диффамационного законодательства зафиксированы в самостоятельных законах американских штатов. К тому же, законодательство США и Великобритании, отнесенное к системе общего права, базируется на судебных прецедентах.

Первым критерием для сравнения выступает терминологическая основа, используемая правопорядками. Понятия чести, достоинства и деловой репутации трактуются одинаково в рассматриваемых странах. Честь – это оценка личности и его качеств социумом, восприятие человека обществом. Под достоинством понимается внутреннее уважение и оценка лица самого себя и своей ценности. Деловая репутация личности означает оценку деловых качеств и доброго имени в контексте компетентности. Однако для нарушения этих прав в законодательстве используются разные термины. США и Великобритания оперируют понятием «диффамации», являющимся основным способом нарушения права на честь, достоинство и деловую репутацию. Американский юрист Митчелл Х. Рубинштейн определяет диффамацию как ложное заявление о человеке, которое изобличает его, подвергает публичному неуважению, насмешкам, антипатии, вызывает у благомыслящих людей скверное мнение о нем и лишает доброжелательных отношений в обществе [19, с. 58]. В работе Роберта Вандерета термин «диффамация» объясняется как ложное, не защищенное привилегиями утверждение о лице, которое оскверняет его репутацию, вызывает у общества осуждение или причиняет ущерб предпринимательской деятельности [1]. Тем самым он также указывает на ложность распространяемых сведений, отмечая при этом категорию исключаящих диффамационный характер привилегий. В английском законодательстве понимание

диффамации не отличается от американского. Кроме того, диффамация различается на квалифицированную, зафиксированную в письменной или иной постоянной форме клевету (*libel*), и простую устную клевету временного характера (*slander*).

В отечественном гражданском законодательстве повсеместно фигурирует формулировка «распространение порочащих сведений, не соответствующих действительности». Понятие диффамации в нормативных актах не встречается: используется лишь исследователями в доктрине. Однако разъяснение данного термина все же можно встретить в ПП ВС № 3. В абз. 5 п. 1 Постановления указывается на то, что термин «диффамация», используемый Европейским Судом по правам человека, по своему значению идентичен понятию распространения не соответствующих действительности порочащих сведений, содержащемуся в статье 152 ГК РФ [3, с. 127-128] [10, с. 2].

При сравнении порядка защиты от диффамации в России, Великобритании и США важно определить, к какой отрасли права относится распространение порочащих ложных сведений и защита соответствующих прав. Так, диффамация по российскому праву урегулирована статьей 152 ГК РФ [3, с. 127-128] и соответственно отнесена к ведению гражданского законодательства. Виновный будет нести гражданско-правовую ответственность как при наличии умысла на совершенные действия, так и при отсутствии такового. Однако если распространение было умышленным, а утверждение заведомо ложным, то потерпевший также вправе привлечь виновного к уголовной ответственности за клевету по ст. 128.1 УК РФ [12, с. 79-80]. Поэтому в таком случае выбор способа защиты нарушенных прав будет зависеть от потерпевшего. Также при умалении прав в форме оскорбления (ст. 5.61 КоАП РФ) или путем клеветы (ст. 5.61.1 КоАП РФ) предусмотрена административная ответственность [12, с. 75-76]. Напротив, в Великобритании и США диффамация отнесена только к деликтам, поэтому виновные в распространении порочащих сведений несут гражданско-правовую ответственность. Тем самым, избегая применения мер уголовно-правового характера, эти государства создают эффект смягчения ответственности за диффамацию. При этом в США по диффамационным искам виновные присуждаются к крупным компенсациям, что несет в себе предупреждающую функцию и представляется более справедливым. В США уголовная ответственность за клевету недопустима, что объясняется стойкой тенденцией законодателей и правоприменителей отдавать приоритет Первой поправке к Конституции США, являющейся одной из важнейших демократических ценностей государства и регламентирующей свободу слова и прессы [4, с. 44].

Главным критерием сравнения являются условия для возникновения права на такую защиту. Стоит отметить, что в России, Великобритании и США они являются схожими: глобальные различия по данному критерию не обнаруживаются. Так, согласно п. 7 ПП ВС № 3 для удовлетворения иска по ст. 152 ГК РФ [3, с. 127-128], должен быть установлен факт распространения ответчиком сведений об истце, их порочащий характер, сообщение третьему лицу и несоответствие утверждений действительности [10, с. 5]. Распространение сведений может выражаться в публикации в печати, источниках СМИ, сообщении на публичных выступлениях, в письменной или устной форме. Согласно ПП ВС № 3 сведения не соответствуют действительности, если факты и события не имеют места в реальности, а порочащий характер объясняется следствием умаления прав истца на честь, достоинство или деловую репутацию [10, с. 5].

В США и Великобритании рассмотренные условия также являются необходимыми для защиты от диффамации. Однако есть положения, на которых законодательство или судебные прецеденты делают особый акцент. Так, например, в соответствии со ст. 1 английского Закона о диффамации 2013 г. утверждение является диффамационным только при условии, если его публикация повлекла (или могла повлечь) серьезный вред для истца [16, с. 1]. Сущность вреда не раскрывается, однако отмечено, что для предпринимателей он должен выражаться в серьезных финансовых убытках, что не является обязательным условием для защиты согласно российскому праву. В США важным критерием, закрепленным в известном прецеденте «Нью-Йорк Таймс против Салливана», является персонификация лица, в отношении которого публикуются сведения [17]. Верховным судом США было установлено, что для защиты прав распространенные сведения должны содержать точное указание на личность истца (или явный намек), тогда как порочащие утверждения о социальной группе, к которой принадлежит истец, но не ассоциируется напрямую с ней в обществе, не могут стать достаточным основанием удовлетворения иска. Важным различием является субъективная сторона дела. Так, в России форма вины не является необходимым условием: для удовлетворения иска не имеет значения, был ли умысел в его действиях, и знал ли он о ложности сведений. В этом проявляется сходство отечественного законодательства с правом Великобритании [21, с. 27]. Согласно праву США, напротив, осведомленность ответчика о возможном несоответствии сведений действительности и конкретная форма вины должны быть доказаны [21, с. 32-33].

В России, США и Великобритании действуют исключения по освобождению от ответственности лиц, распространивших сведения.

К такому исключению, являющемуся общим для рассматриваемых государств, относится распространение оценочных суждений, мнения. Так, согласно абз. 3 п. 9 ПП ВС № 3 [10, с. 6] субъективные взгляды и мнение ответчика – не предмет судебной защиты по ст. 152 ГК РФ [3, с. 127-128]. Однако если такое мнение будет сопряжено с оскорблением, то виновный может быть привлечен к административной ответственности. Аналогичным образом требования к такому мнению и условия предоставления защиты ответчику подробно отражены в ст. 3 Закона о диффамации 2013 года [16, с. 2].

Значимой частью диффамационного права США и Великобритании является установление абсолютных и квалифицированных привилегий, что отличает его от российского законодательства. Абсолютный иммунитет исключает ответственность за диффамацию и применяется к распространенным сведениям даже при наличии умысла и осведомленности о ложности заявлений [11, с. 44]. В английском праве понятие абсолютной привилегии закреплено в ст. 14 Закона о диффамации 1996 г [15, с. 11-12]. Под иммунитет попадают высказывания в палатах Парламента; отчеты о его заседаниях и их публикациях; сообщения на судебном заседании; высказывания государственного должностного лица, адресованные другому при выполнении должностных обязанностей, сообщения о судебных процессах. В праве США правила об абсолютной привилегии аналогичны [19, с. 61]. Для применения ограниченного иммунитета распространивший сведения, наоборот, должен действовать добросовестно, без злого умысла (ст. 15 Закона о диффамации 1996 г.) [15, с. 12]. В США и Великобритании такая привилегия применяется к сведениям, исходящих от лица, обладающего правовой или нравственной обязанностью их распространить. Адресат сведений должен, вдобавок, иметь аналогичный интерес в получении этой информации, то есть она должны носить характер публичного интереса, (ст. 4 Закона о диффамации 2013 г.) [16, с. 2-3]. Однако Закон не дает определения интереса, оставляя тем самым этот вопрос на усмотрение суда, что представляется неоднозначным и нередко подвергается критике [21, с. 48-49].

Российское законодательство не знает подобных иммунитетов, однако в ст. 57 Закона РФ «О СМИ» содержится исключение по освобождению от ответственности редакции, главного редактора или журналиста за распространение порочащих честь и достоинство граждан сведений [5, с. 59]. Эти лица не будут нести ответственность, если публикуемая информация была дословно скопирована с первоначальной публикации иного источника. Также редакторы и журналисты будут освобождены от ответственности, если сведения были получены

от информационных агентств, содержались в ответе на запрос информации пресс-служб государственных органов, являлись дословным воспроизведением выступлений должностных лиц государственных органов, организаций и общественных объединений. Данные положения можно назвать своеобразным иммунитетом, однако перечень таких случаев гораздо уже, распространяется на представителей СМИ и в основном относится к цитированию. Поэтому это еще одно подтверждение, что американское и английское право предпочитают защиту права на свободу слова защите чести и репутации, тогда как российское право отдает приоритет последней.

Рассмотрим правовой режим истца и ответчика по искам такой категории. По общему правилу в трех странах истцом является пострадавшее от диффамации лицо, чье право на честь, достоинство и деловую репутацию было нарушено. В России согласно абз. 2 п. 1 ст. 152 ГК РФ защита этих прав допустима и после смерти гражданина по заявлению заинтересованных лиц, что отличает российское право от американского, в котором такая возможность не предоставляется [3, с. 127]. Одним из главных отличий диффамационного законодательства США является то, что именно истец должен доказывать несоответствие сведений действительности, а также вину ответчика, его осведомленность о ложности информации. Поэтому в США действует презумпция правдивости распространяемых сведений, что вызывает немалые препятствия для удовлетворения иска о диффамации [21, с. 24, 26, 29-31]. Напротив, в России и Великобритании бремя доказывания по делу возложено на ответчика, обязанного представить доказательства правдивости сведений. Согласно п. 9 ПП ВС № 3 такая обязанность ложится на ответчика, тогда как истец доказывает сам факт распространения сведений [10, с. 6]. В праве Великобритании обязанность ответчика доказать правдивость информации закреплена в ст. 2 Закона о диффамации 2013 года: истец обязан представить доказательства, чтобы опровергнуть характер мнения [16, с. 1]. Таким образом, в сравнении с США, законодательство России и Великобритании, прежде всего, стремится защитить истца, создавая презумпцию ложности. Стоит отметить, что определение надлежащего ответчика схоже в странах. Так, согласно п. 5 ПП ВС № 3 [10, с. 4] и ст. 1 Закона о диффамации 1996 г. [15, с. 1] ответчиком будет являться автор сведений или редакция. При этом дистрибьюторы таких сведений ответственность не несут, что в частности закреплено в американском прецеденте 1991 года [14].

Значимым различием между США, Великобританией и Россией в защите своих прав на честь, достоинство и репутацию является исковая давность по искам такой категории. В соответствии со ст. 5 английского Закона о диффамации 1996 г. лицо, пострадавшее от диффамации, вправе

предъявить виновному иск в течение 1 года после распространения сведений [15, с. 3]. В США исковая давность по искам о защите чести, достоинства и деловой репутации также равняется 1 году, который начинает течь с момента публикации информации [19, с. 60]. Напротив, в России согласно ст. 208 ГК РФ исковая давность не распространяется на данные дела [3, с. 159]. Следовательно, пострадавшие от диффамации не имеют временных ограничений для защиты своих прав, что позволяет осуществлять защиту чести и достоинства наследникам.

Кроме того, отличительной является такая процессуальная особенность, как участие суда присяжных в данных делах. В России наличие присяжных заседателей в судебном разбирательстве возможно только в уголовном процессе, следовательно, суд присяжных может рассматривать только дела о клевете по ст. 128.1 УК РФ [12, с. 79-80]. Дела по умалению чести, достоинства и репутации лица, подлежащие рассмотрению в гражданском судопроизводстве, не задействуют суд присяжных. В Великобритании, согласно п. «b» ч. 1 ст. 69 первой редакции Закона Верховного суда 1981 г. суд присяжных рассматривал все дела о диффамации, если процесс не требовал длительного изучения документов и материалов [20]. Однако ст. 11 Закона о диффамации 2013 г. внесла изменения, постановив, что судебный процесс будет проходить без присяжных заседателей, пока только сам суд не установит иное [16, с. 8]. Таким образом, рассмотрение дел о диффамации судом присяжных, способствующих более точному определению общественного интереса, умаления чести, достоинства и репутации и иных фактов, стало подвластно воле судьи. В США же дело обстоит иначе: суд присяжных при рассмотрении соответствующих имеет весомое значение. Прецедентом, который дал начало такой практике, является дело против издателя Джона Питера Зенгера, который в своих публикациях обвинял губернатора в коррупции [18]. С того момента присяжные в США стали устанавливать факт клеветы, ее степень и влияние на честь и репутацию, а также размер присуждаемой денежной компенсации. По словам Стивена Прессмана, на момент 1994 года в США около 90 процентов процессов о письменной клевете рассматривались именно судом присяжных [18].

В качестве финального критерия для сравнения законодательства России, США и Великобритании по защите чести, достоинства и деловой репутации будут рассмотрены способы такой защиты. В целом, сами способы схожи в трех странах, однако имеются немалые отличия между ними. Главным способом, употребляемым повсеместно в США, Великобритании и России, является компенсация убытков. В России согласно п. 15 ПП ВС № 3 с ответчика могут быть взысканы компенсация морального вреда или убытков (ст. 15 ГК РФ [3, с. 10]) [10, с. 9].

Размер денежной компенсации морального вреда определяется судом согласно степени физических и нравственных страданий истца (ст. 151 ГК РФ) [3, с. 127]. В США и Великобритании убытки классифицируются иначе, делясь на компенсаторные (общие и специальные) и штрафные. Для возмещения компенсаторных убытков истцу не требуется доказывать ущерб и его размер: такие убытки презюмируются. Они истребуются в случае письменной клеветы или устной, затрагивающей ложное обвинение в преступлении или некомпетентности в профессии. Причем только в США допустимо присуждение таких убытков за устное ложное обвинение в противоправных действиях сексуального характера [21, с. 67-69]. Для получения истцом специальных компенсаторных убытков тот, напротив, должен доказать факт причинения ущерба. Как говорилось ранее, размер убытков, определяемый судом присяжных, в США высок, что можно объяснить попыткой уравновесить баланс прав. Наконец, компенсация штрафных убытков назначается в наказание ответчику, и особенностью права США является обязанность доказывания истцом, для заявления такой компенсации, умысла ответчика.

Следующим способом защиты прав истца является опровержение ответчиком распространенных ложных порочащих сведений. Ст. 9 Закона о диффамации 1996 г. говорит об упрощенном удовлетворении требований в виде объявления ответчиком ложности сведений, извинений или исправлений [15, с. 8-9]. Все способы повсеместно используются в Великобритании по соглашению сторон или решению суда. В России данный способ закреплен в п. 4 ПП ВС РФ № 3 [10, с. 3], а также в п. 2 ст. 152 ГК РФ [3, с. 128], согласно которому опровержение должно быть опубликовано в тех же СМИ. Также истец вправе потребовать опубликования там же своего ответа. В США, однако, данный способ на практике не используется, так как ложность сведений не является презюмируемой, истец сам обязан доказать несоответствие действительности, а значит, опровержение сведений является нелегким способом защиты [21, с. 73-74].

Наконец, последним способом, аналогично используемым только в России и Великобритании, является наложение судебного запрета, который заключается в удалении ложных порочащих сведений из публикации или прекращение распространения этих утверждений. Закон о диффамации 2013 г. закрепляет это положение в ст. 13 [16, с. 9]. П. 4 ст. 152 ГК РФ также говорит о возможности предъявления к ответчику требования удалить диффамационные сведения или прекратить их распространение, если они стали широко известны, и это является единственным способом восстановления репутации истца [3, с. 128].

Подводя итог, надо отметить, что система защиты чести, достоинства и деловой репутации достаточно обширно урегулирована в рассматриваемых государствах. Однако путем компаративного анализа в данной работе были продемонстрированы как некоторые сходства, так и значительные различия в регулировании защиты этих прав между странами. Главной причиной таких отличий представляются разные приоритеты законодателей в конфликте права на честь, достоинство, деловую репутацию и права на свободу слова. Так, в американском праве прослеживается стабильный приоритет последнему праву, что объясняется весомым значением Первой поправки к Конституции США. Россия же, напротив, ставит на первое место защиту чести, достоинства и репутации, предоставляя пострадавшим от диффамации немалые возможности для восстановления прав. Великобритания в своем регулировании кажется наиболее сбалансированной в таком конфликте, обеспечивая равные возможности для защиты как истцам, так и ответчикам. У каждой страны, впрочем, есть свои недостатки. Например, единственно возможным способом защиты прав истцов в США является компенсация ущерба, истребование которой представляется нелегкой задачей. Также, в отличие от Великобритании, в США и России отсутствует единое законодательство, которое включало бы в себя все аспекты этой защиты: право США опирается в основном на судебные прецеденты, а в России нормы находятся в разных нормативно-правовых актах. Исходя из этого, в связи с высокой актуальностью дел по диффамации на данный момент представляется необходимым дальнейшее развитие и совершенствование законодательства по защите чести, достоинства и деловой репутации в этих странах.

Список литературы:

1. Вандерет Р. Американское диффамационное право и судопроизводство: Обзор законодательства и практики судебной защиты чести и достоинства в США. – 1997. – URL: <https://medialaw.asia/node/3291> (Дата обращения: 02.07.2023).
2. Всеобщая декларация прав человека. Принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. // Российская газета. – 1995. – № 67. – 5 апреля.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 14.04.2023, с изм. от 16.05.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 28.04.2023) // Собрание законодательства РФ. – 05.12.1994. – № 32, ст. 3301; Российская газета. – № 238-239. – 08.12.1994.
4. Дикман С.С. Проблемы ответственности за диффамацию: зарубежный опыт и международные стандарты // Пределы правового пространства свободы прессы / Сост., отв. ред. А.К. Соболева. – М.: РИО «Новая юстиция», 2008. – С. 39-56.

5. Закон Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 13.06.2023) «О средствах массовой информации» // Российская газета. – № 32. – 08.02.1992.
6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 24.06.2023) // Российская газета. – № 256. – 31.12.2001; Парламентская газета. – № 2-5. – 05.01.2002.
7. Конвенция о защите прав человека и основных свобод: (заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 24.06.2013) // Собрание законодательства РФ. – № 2. – 08.01.2001, ст. 163.
8. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) // Текст Конституции опубликован в «Российской газете». – 25.12.1993. – № 237 (первоначальный текст).
9. Международный пакт о гражданских и политических правах: (принят Генеральной Ассамблеей 16.12.1996) // Ведомости Верховного Совета СССР. – № 17. – 28.04.1976, ст. 291.
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – № 4. – 2005.
11. Самородов Д.А. Понятие неприкосновенности чести и достоинства в законодательствах Великобритании, Франции, США, Германии и России // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. – 2016. – № 2 (9). – С. 40-47.
12. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 13.06.2023) // Собрание законодательства РФ. – № 25. – 17.06.1996, ст. 2954.
13. Федеральный закон от 28.02.2023 № 43-ФЗ «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы» // Российская газета. – № 45. – 02.03.2023.
14. *Cubby, Inc. v. CompuServe Inc.*, 776 F. Supp. 135. 1991. – URL: <https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp/776/135/2340509/> (Дата обращения: 07.07.2023).
15. *Defamation Act 1996*, 4th July 1996, с. 31 // as originally enacted from the National Archives. – URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1996/31/contents/enacted> (Дата обращения: 01.07.2023).
16. *Defamation Act 2013*, 25th April 2013, с. 26. – URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2013/26/contents> (Дата обращения: 01.07.2023).
17. *New York Times Co. v. Sullivan*, 376 U.S. 254. 1964. – URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/376/254/> (Дата обращения: 07.07.2023).

18. Pressman S. Libel Law in the United States // An Unfettered Press. United States Information Agency. – 1994. – URL: <https://usa.usembassy.de/etexts/media/unfetter/press08.htm> (Дата обращения: 05.07.2023).
19. Rubinstein M.H. A Peek at New York Defamation Law // NYLS Legal Studies Research Paper. – 2010. – № 10/11. – P. 58-63.
20. Supreme Court Act 1981, 28th July 1981. – URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1981/54/contents/enacted> (Дата обращения: 02.07.2023).
21. Vincent R. Johnson Comparative Defamation Law: England and the United States // University of Miami International and Comparative Law Review. – 2017. – № 24. – 97 p.

3.2. КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

ОБ ОБЯЗАТЕЛЬНОСТИ РЕШЕНИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Мешков Игорь Викторович

*аспирант кафедры публичного права,
Самарский государственный экономический университет,
РФ, г. Самара*

PRINCIPLES OF BINDING AND FINALITY OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION

Igor Meshkov

*Postgraduate student
of the Department of Public Law
State University of Economics
Russia, Samara*

Аннотация. Конституционный Суд Российской Федерации является одним из важнейших элементов конституционно-правового механизма охраны прав и свобод человека. Решение Конституционного Суда окончательным образом разрешает конституционно-правовой спор относительно соответствия конкретного нормативного регулирования Конституции Российской Федерации. В результате инициированного заявителем конституционного судебного процесса Конституционный Суд определяет, будет ли действовать в дальнейшем то или иное законодательное положение, сохранится ли оно в правовой системе России. В этой связи необходимо определиться, какими основополагающими принципами обладают решения Конституционного суда Российской Федерации.

Abstract. The Constitutional Court of the Russian Federation is one of the most important elements of the constitutional and legal mechanism for

the protection of human rights and freedoms. The decision of the Constitutional Court finally resolves the constitutional and legal dispute regarding the compliance of a specific regulatory regulation with the Constitution of the Russian Federation. As a result of the constitutional judicial process initiated by the applicant, the Constitutional Court determines whether a particular legislative provision will continue to operate in the future, whether it will remain in the legal system of Russia. In this regard, it is necessary to determine what fundamental principles the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation have.

Ключевые слова: Решение Конституционного Суда Российской Федерации; Конституционно-правовой спор; Органы конституционного контроля; Юридическая сила решений Конституционного Суда Российской Федерации.

Keywords: Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation; Constitutional and legal dispute; Constitutional control bodies; Legal force of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation.

Целью настоящего исследования является определение таких основополагающих принципов решений Конституционного Суда Российской Федерации, как обязательность и окончательность. Представляется, что для всестороннего и объективного изучения предмета исследования необходимо первоначально определить основные функции деятельности Конституционного Суда Российской Федерации.

Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (далее – Закон о Конституционном Суде) устанавливает, что решения Конституционного Суда Российской Федерации обязательны на всей территории Российской Федерации для всех представительных, исполнительных и судебных органов государственной власти, органов местного самоуправления, предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц, граждан и их объединений (статья 6) [2].

Анализируя указанную норму права, некоторые ученые придерживаются позиции, что Конституционный суд сочетает в себе функции не только судебного, но и конституционного органа, который наделен правом осуществления контроля над деятельностью законодательной и исполнительной власти.

Так, Б.С. Эбзеев отмечает, что органы конституционного контроля сами представляют высшую государственную власть. Такова главная особенность конституционного правосудия, которая отличает его от судов общей юрисдикции и арбитражных судов. Данным качеством Конституционного Суда обусловлена его интегрирующая роль как гаранта политического мира в обществе и государстве [13, С. 129].

Вместе с тем необходимо заметить, что деятельность Конституционного Суда Российской Федерации осуществляется только в форме судебного разбирательства и с соблюдением всех установленных законом процессуальных норм и правил. В полномочия Конституционного Суда не входит контроль за деятельностью законодательной и исполнительной власти. Контроль за конституционностью определенных правовых актов не означает контроль за законодательной и исполнительной деятельностью. Основной функцией Конституционного Суда является функция отправления правосудия.

Статьей 125 Конституции Российской Федерации установлена главная особенность конституционного правосудия, отличающая его от правосудия, осуществляемого судами общей юрисдикции и арбитражными судами, а именно разрешение споров о соответствии Конституции Российской Федерации по запросам Президента Российской Федерации, Совета Федерации, Государственной Думы, одной пятой сенаторов Российской Федерации или депутатов Государственной Думы, Правительства Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации, органов законодательной и исполнительной власти субъектов Российской Федерации [1].

Конституционное судебное правотворчество характеризуется рядом особенностей. Его результат выражается в принятии решений органами конституционного правосудия.

К особенностям решений Конституционного суда относятся их обязательность, окончательность и непосредственность действия.

Решения Конституционного суда действуют непосредственно, не требуют подтверждения другими государственными органами, их юридическая сила основывается на высшей юридической силе Конституции. Признание Конституционным судом какого-либо акта неконституционным означает прекращение его действия, не требует дополнительного подтверждения со стороны правотворческого органа и исключает последующее применение оспоренных нормативных положений [9, С. 3].

Представляется необходимым подробнее остановиться на принципах обязательности и окончательности решений Конституционного Суда.

Законом о Конституционном Суде конкретизирован принцип обязательности, проявляющийся в юридической силе решений Конституционного Суда Российской Федерации:

- решение Конституционного Суда Российской Федерации подлежит исполнению немедленно после опубликования либо вручения его официального текста, если иные сроки специально в нем не оговорены;

- неисполнение, ненадлежащее исполнение либо воспрепятствование исполнению решения Конституционного Суда Российской Федерации влечет ответственность, установленную федеральным законом;
- юридическая сила постановления Конституционного Суда Российской Федерации о признании акта неконституционным не может быть преодолена повторным принятием этого же акта;
- признание нормативного акта или договора либо отдельных их положений не соответствующими Конституции Российской Федерации является основанием отмены в установленном порядке положений других нормативных актов, основанных на нормативном акте или договоре, признанном неконституционным, либо воспроизводящих его или содержащих такие же положения, какие были предметом обращения. Положения этих нормативных актов и договоров не могут применяться судами, другими органами и должностными лицами;
- толкование Конституции Российской Федерации, данное Конституционным Судом Российской Федерации, является официальным и обязательным для всех представительных, исполнительных и судебных органов государственной власти, органов местного самоуправления, предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц, граждан и их объединений.

Н.В. Витрук справедливо констатирует, что «обязательность решений Конституционного Суда означает их непререкаемость, которая обусловлена их юридической силой, приравненной к юридической силе Конституции Российской Федерации. Поэтому изменить решение Конституционного Суда Российской Федерации можно только дополнением и изменением содержания самой Конституции Российской Федерации либо принятием новой федеральной Конституции» [4, С. 441].

Обязательность действующих судебных решений в плоскости их осуществления выражается в необходимости уполномоченных (обязанных) субъектов соблюдать, исполнять, применять их положения, а также в возможности использования управомоченными субъектами содержащихся в судебных решениях дозволений, обеспечиваемой соответствующими обязанностями контрагентов управомоченных субъектов.

Понимание исполнения судебных решений в качестве одного из способов осуществления содержащихся в них положений является распространенным в доктрине подходом. Однако анализ положений Федерального конституционного закона от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» [3] (статьи 3, 6), Закона о Конституционном Суде (статьи 75, 81, 111) [2] показывает, что федеральный законодатель исполнение решений Конституционного Суда

оценивает по-иному, охватывая данной конструкцией все способы должного осуществления конституционно-судебных положений. Наряду с исполнением (в узком смысле) и применением такой характер имеет еще и соблюдение предписаний судебных решений. Соответственно законодатель распространяет конструкцию неисполнения (ненадлежащего исполнения, воспрепятствования исполнению) данных предписаний на все варианты нарушения последних (на все варианты нарушения порядка их осуществления).

Все способы должного осуществления судебных положений способен охватить и термин «соблюдение», имея в виду конституционное значение (статьи 2, 71 Конституции Российской Федерации [1]). Так, о соблюдении можно говорить применительно не только к судебным запретам, но и к общеобязательному истолкованию Конституционным Судом норм Конституции Российской Федерации [1].

Таким образом, обязательность судебного решения заключается в его способности определять поведение осуществляющих его предписания субъектов независимо от усмотрения, поведения кого-либо. Такой характер действия судебных решений обеспечивается государством, в том числе посредством применения в необходимых случаях принудительных мер к тем, кто нарушает указанные решения.

Следует согласиться с мнением А.А. Петрова, утверждающего, что «обязательность решений Конституционного Суда Российской Федерации носит иной характер, чем обязательность решения суда общей юрисдикции или арбитражного суда. Эта разница обусловлена принципиальными различиями в сфере действия решений судов общей юрисдикции и арбитражных судов, с одной стороны, и решений Конституционного Суда Российской Федерации - с другой. Решения судов общей юрисдикции и решения арбитражных судов касаются прежде всего правоотношений в связи с конкретными делами и не применяются при разрешении других дел. Задача же Конституционного Суда состоит в определении юридической судьбы правовых норм, конституционность которых им проверяется. В зависимости от решения Конституционного Суда оспоренная правовая норма либо утрачивает силу из-за несоответствия Конституции Российской Федерации, либо сохраняет свое действие. Поэтому решения Конституционного Суда Российской Федерации распространяются не просто на какие-то отдельные случаи применения оспоренных норм - они имеют точно такую же сферу применения, как и сами эти нормы» [12, С.126-127].

Качество обязательности, объективно заложенное в явлении конституционности, проявляет себя в части 6 статьи 125 Конституции Российской Федерации, согласно которой признанные неконституционными акты или их отдельные положения утрачивают силу,

а не соответствующие Конституции Российской Федерации международные договоры Российской Федерации не подлежат введению в действие и применению. В Законе о Конституционном Суде также установлено, что решения судов и иных органов, основанные на актах, признанных неконституционными, не подлежат исполнению и должны быть пересмотрены в установленных федеральным законом случаях [2].

Другим важнейшим принципом решений Конституционного Суда является их окончательность, в соответствии с которым решение Конституционного Суда Российской Федерации окончательно, не подлежит обжалованию и вступает в силу немедленно после его провозглашения. Решение Конституционного Суда не может быть отменено законом или актом органа исполнительной власти.

Данное свойство решений проявляется в том, что Конституционный Суд не вправе ни по собственной инициативе, ни по заявлению заинтересованных сторон пересмотреть (отменить или изменить) оглашенные и вступившие в законную силу решения. Они не могут быть также пересмотрены каким-либо иным органом.

Вместе с тем законом установлена возможность изменения правовой позиции, выраженной в ранее принятых решениях Конституционного Суда Российской Федерации.

Так, в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 02.02.1996 по делу о проверке конституционности ряда положений Уголовно-процессуального кодекса РСФСР по жалобам Кульнева и др. указано, что статья 46 Конституции Российской Федерации, гарантирующая право на судебную защиту, требует справедливого правосудия и эффективного восстановления в правах и что «ошибочное судебное решение не может рассматриваться как справедливый акт правосудия и должно быть исправлено» [13].

По мнению В.А. Четвернина, в рамках правовой системы России не может существовать категории судебных решений, которые являются окончательными и не подлежат обжалованию, поскольку конкретное решение может быть ошибочным. И если в соответствии с международными договорами России обращаться в межгосударственные органы по защите прав человека, то их решение может приводить к пересмотру актов, принятых высшими российскими судебными инстанциями, породить полномочия по повторному рассмотрению «окончательных» решений. Если все же считать решения Конституционного Суда Российской Федерации окончательными и не подлежащими обжалованию, возникает проблема взаимоисключающих прецедентов в практике Суда. Запрет пересмотра ранее принятых решений Конституционного Суда может привести к тому, что по одному и тому же вопросу будут приняты взаимоисключающие «окончательные» решения [8, С.267].

О необходимости закрепления в законодательстве механизма пересмотра решений Конституционного Суда Российской Федерации высказываются и Н. Громов и Е. Колесников, которые считают, что Закон о Конституционном Суде должен быть дополнен нормами, предусматривающими следующие основания для пересмотра: вновь открывшиеся обстоятельства; изменение норм Конституции Российской Федерации или законодательного акта, послуживших основанием для принятия пересматриваемого решения; существенные процессуальные нарушения, допущенные Конституционным Судом [5, С. 20].

Представляется, что данная позиция является необоснованной по следующим причинам.

Во-первых, недопустимо повторное обращение в суд по одному и тому же вопросу, во-вторых, Конституционный Суд Российской Федерации действует прежде всего на основании и во исполнение Конституции Российской Федерации. Любые решения принимаются в строгом соответствии с конституционными положениями, поэтому принятие взаимоисключающих решений Конституционным Судом Российской Федерации возможно лишь в случае изменения Конституции Российской Федерации. Однако Конституционный Суд Российской Федерации не может и не должен предвидеть возможные изменения в Конституции Российской Федерации, поэтому недопустимо и приведение уже вынесенных решений в соответствие с его новой редакцией [10, С. 76].

Следует согласиться с А.А.Петровым, который считает, что «решения Суда, основанные на прежней редакции Конституции, не распространяются на положения о допустимости повторного обращения в Суд по уже разрешенному вопросу. Не будет действовать в таких случаях и правило, согласно которому запрещается преодоление решения Суда путем повторного принятия нормативного положения, однажды признанного неконституционным» [12, С. 126-127].

Справедливой является точка зрения В.Д.Зорькина, который, рассуждая об окончательности решений Конституционного Суда Российской Федерации, отмечает, что «Суд не связан формулировками ранее принятых правовых позиций. Это обусловлено тем, что изменение жизненных реалий может приводить и к отступлению от ранее сформулированных правовых позиций, поскольку Конституционный Суд, применяя и истолковывая Конституцию, выявляет не только букву, но и дух тех или иных ее положений на каждом новом этапе развития и тем самым приспособливает ее к меняющимся отношениям в обществе («живое право») [6, С. 164].

В таком случае корректировка ранее сформулированных правовых позиций не означает отмены ранее принятого решения и не приводит к пересмотру в целом практики Конституционного Суда. Его решение сохраняет юридическую силу и не подлежит пересмотру. Сохраняет свою силу и сформулированная в нем правовая позиция. Однако ее применимость не является абсолютной и определяется Конституционным Судом каждый раз в сходной ситуации с учетом единства буквы и духа этой позиции в конкретно исторических обстоятельствах.

Свойство окончательности решения Конституционного Суда относится к той его части, которая содержит государственно-властные веления, исходящие от Конституционного Суда как высшего судебного органа конституционного контроля, осуществляющего судебную власть посредством Конституционного Судопроизводства. Такие веления могут иметь вид формулировки решения и правовых позиций Конституционного Суда.

Правовые позиции Конституционного Суда представляют собой истолкование положений Конституции Российской Федерации и иных правовых актов, аргументирующее итоговые выводы Конституционного Суда по результатам рассмотрения дела. При этом формулировка решения Конституционного Суда закрепляется в резолютивной части решения, а правовые позиции - в мотивировочной.

Анализируя положения Закона о Конституционном Суде можно заключить, что властные веления, которые содержатся в формулировке решения и в правовых позициях Конституционного Суда, имеют разное правовое значение.

Из этого следует, что правило об окончательности решения Конституционного Суда должно по-разному проявлять себя в отношении формулировки решения, с одной стороны, и правовой позиции Конституционного Суда - с другой. Формулировка решения Конституционного Суда представляет собой решение Суда в узком (функциональном) смысле слова и является итоговым выводом Суда по вопросам конституционности оспоренных правовых норм, компетенции государственных органов, толкования Конституции Российской Федерации и так далее.

Как справедливо отмечает А.А. Петров, «Принцип окончательности решения Суда в первую очередь относится именно к формулировке решения, которая не может быть изменена или отменена никаким образом и ни по каким основаниям. Даже изменение Конституции Российской Федерации не создает таких оснований; оно может привести лишь к появлению неопределенности в вопросе о конституционности того или иного регулирования, которое проверялось Конституционным Судом до внесения поправок в Конституцию, и тем самым создать

основания для рассмотрения Конституционным Судом новых дел в отношении тех же правовых предписаний» [11, С. 7-19].

Что касается правовых позиций Конституционного Суда, то они, как уже отмечалось, аргументируют выводы, к которым Суд приходит в конкретном деле, и потому являются неотъемлемым содержательным элементом соответствующего решения. Текстуальные формулировки правовых позиций как часть решений Конституционного Суда также не подлежат изменению и не могут быть исключены из текста решений.

Окончателность решения Конституционного Суда, закрепленная в статье 79 Закона о Конституционном Суде, – это прежде всего окончательность текста конкретного судебного акта, принятого этим судом.

Подводя итог проведенному в настоящей работе анализу, можно сделать вывод, что окончательность и обязательность решений Конституционного Суда Российской Федерации сами по себе не являются критериями правовой истинности, единственной правильности решения. Но с другой стороны, признание конституционности положено в основу обязательности, окончательности и бесспорности решения Конституционного Суда Российской Федерации о конституционности этого правового акта.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 01.07.2020 N 11-ФКЗ, от 06.10.2022) // Текст Конституции, включающий новые субъекты Российской Федерации — Донецкая Народная Республика, Луганская Народная Республика, Запорожская область и Херсонская область, приведен в соответствии с официальной публикацией, 6 октября 2022 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595> (дата обращения: 05.07.2023).
2. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 25.07.1994. – № 13. – Ст. 1447.
3. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 06.01.1997. – № 1. – Ст. 1.
4. Витрук Н.В. Конституционное правосудие: судебное конституционное право и процесс. – М.: Изд-во «Норма», 2011. – 592 с.
5. Громов Н., Колесников Е. Принципы судопроизводства должны распространяться и на Конституционный Суд // Российская юстиция. – 2000. – № 2. – С. 20.

6. Зорькин В.Д. Конституционно-правовое развитие России. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2011. – 719 с.
7. Кокотов А.Н. Обязательность решений Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал конституционного правосудия. – 2011. – № 4. – С. 6-12.
8. Конституция Российской Федерации. Проблемный комментарий / отв. ред. В.А. Четвернин. – Москва : Изд-во ЦНИИТЭИ тракторосельхозмаш, 1997. – 702 с.
9. Конституционный Суд Российской Федерации: 30 лет на защите прав граждан. На примерах практики // КС РФ: официальный сайт. 2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.ksrf.ru/> (дата обращения: 02.07.2023).
10. Малюшин А.А. Конституционно-судебное правотворчество в Российской Федерации: проблемы теории и практики: монография. – М.: Юрист, 2013. – 404 с.
11. Петров А.А. Правовые суперпозиции Конституционного Суда Российской Федерации: постановка проблемы // Российский юридический журнал. – 2021. – № 4. – С. 7-19.
12. Петров А.А. Юридические свойства и юридическая сила решений Конституционного Суда Российской Федерации // Проблемы исполнения федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации решений Конституционного Суда Российской Федерации и конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации: Материалы Всероссийского совещания. – М.: Формула права, 2001. – С. 126-127.
13. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 02.02.1996 «По делу о проверке конституционности пункта 5 части второй статьи 371, части третьей статьи 374 и пункта 4 части второй статьи 384 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан К.М. Кульнева, В.С. Лалуева, Ю.В. Лукашова и И.П. Серебrenникова» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 7. – Ст. 701.
14. Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 1. – Ст. 1.
15. Эбзеев Б.С., Эришвили Н.Д. Конституционный суд. Учебное пособие. – М.: Закон и право, ЮНИТИ, 1997. – 213 с.

3.3. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

ВЛИЯНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ ПРАВОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ НА ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Кузубова Ангелина Юрьевна

*канд. юрид. наук, доцент,
Воронежский государственный педагогический университет,
РФ, г. Воронеж*

THE INFLUENCE OF TRADITIONAL LEGAL VALUES ON LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES

Angelina Kuzubova

*Candidate of legal Sciences, Associate Professor,
Voronezh State Pedagogical University,
Russia, Voronezh*

Аннотация. Обращение к исследованию влияния традиционных правовых ценностей на профессиональное правосознание отечественных правоприменителей обусловлено необходимостью изучения механизмов корреляции нравственных и правовых ценностей с системой правового регулирования. Научный интерес представляет процесс и результат когнитивной деятельности правоприменителя, оказывающий влияние на функционирование всей правовой системы. В статье сделан вывод том, что современное правосознание специальных субъектов аккумулирует многие традиционные правовые ценности, в том числе, «справедливость», «порядок», «ответственность».

Abstract. The appeal to the study of the influence of traditional legal values on the professional legal consciousness of domestic law enforcement officers is due to the need to study the mechanisms of correlation of moral and legal values with the system of legal regulation. Of scientific interest is the process and result of the cognitive activity of the law enforcement officer, which affects the functioning of the entire legal system. The article concludes that the modern legal consciousness of special subjects accumulates many traditional legal values, including "justice", "order", "responsibility".

Ключевые слова: правовые ценности; юридическая доктрина; профессиональное правосознание; правоприменители; профессиональная этика юристов.

Keywords: legal values; legal doctrine; professional legal awareness; law enforcement; professional ethics of lawyers.

Составляющей статуса юриста является его профессиональная аксиосфера, в которой воплощаются ценности и смыслы профессии, ценностные ориентации, нормы, правила, традиции и т.д. Профессия подразумевает не только обладание специальными знаниями, подготовкой, компетенциями, подтвержденными соответствующими дипломами, удостоверениями, сертификатами и иными документами, но и ценностную ориентацию на служение общественным целям. Профессиональная принадлежность к юридической профессии предполагает наличие позитивной оценки действующего права, сформированного желания воплощать правовые ценности в служебной и частной практике. Знание законодательства не тождественно его верной оценке, в свою очередь, даже адекватная оценка может нивелировать регулирующий потенциал права из-за преобладания негативных правовых установок.

Профессиональная этика юристов характеризуется высоким уровнем интеграции правовых и моральных норм, регулирующих их деятельность. Правоприменители с особым статусом, в частности, судьи, прокуроры, следователи, выполняют свою миссию с опорой не только на закон, но и на свою совесть, нравственные убеждения. Особый функционал юридического сообщества обуславливает необходимость введения повышенных требований к моральному статусу его членов, что воплотилось в выработке комплексов этических норм.

Категории «совесть», «справедливость», «долг» детерминируют содержательный компонент права. И.А. Ильин, определяя правосознание как инстинктивное правочувствие, волю к духу, к справедливости и к добру, считал, что оно институционализировано в совести и религиозном чувстве: «Можно представить себе, конечно, правосознание вне религии и вне совести, но это будет что-то вроде воли, лишенной неба и земли, это будет... черствая форма, лишенная дара любви и дара созерцания» [3, с. 113].

Как категория этики совесть отражает способность к внутренней самооценке, соотносению своего поведения с требованиями нравственности, позволяющей совершать выбор модели поведения. Совесть автономна по отношению к обществу и государству, но она важна для указанных институтов, так как она продуцирует мировоззренческие предпочтения. Правовое измерение совести заключено в потенциале совести как духовно-нравственного закона обеспечивать правильную

оценку, уважение и соблюдение права вне внешнего принуждения. Совесть действует совместно с чувствами долга, ответственности, стыда. Последнее чувство выражается в укорении себя, осознании духовного недостойнства на фоне обнажения безнравственного деяния. Долг следует трактовать как нравственную готовность совершать определенные действия и нести за них ответственность. Ответственность, в свою очередь, это отражение уровня восприятия личностью нравственно-правовых ценностей и способность действовать, осознавая последствия своих деяний.

Значение совести в правовом регулировании общественных отношений трудно переоценить, именно следование данному нравственному чувству в значительной степени обеспечивает правомерность поведения. Развитость совести создает естественное уважительное отношение к праву вне принудительных процедур. Отсутствие совести побуждает человека совершать аморальные и противоправные поступки, выступать против сложившегося социального уклада.

Наличие зрелой системы правовых ценностей является необходимым качеством любого правоприменителя, но ценностные ориентации судей играют особую роль. Правосудие в силу своей особой социальной миссии должно отвечать гуманистической традиции, выраженной в ценностном отношении к человеку. Значение функционирования судебной системы невозможно нивелировать: именно она предназначена для восстановления справедливости, поддержания порядка, разрешения конфликтов, защиты прав, опосредования разных типов общественных отношений.

Правосудие неотделимо от справедливости, более того, указанные категории нередко отождествляются. Справедливость проявляется в соразмерности, соответствии применяемых правовых норм нормам нравственности в процессе оценки того деяния или отношения, которое является предметом судебного разбирательства. Справедливость в контексте судопроизводства включает множество граней. В первую очередь, это императив, требующий действовать соразмерно с объективной истиной, законом и собственной совестью, опираясь на установленные по делу факты. Справедливость подразумевает соответствие понятию о должном порядке, равенство всех членов общества, применение справедливого закона, независимость и беспристрастность суда, соразмерность деяния и воздаяния и т. п. Решения судов должны быть адекватны критериям справедливости, в контексте судопроизводства это предполагает установление истины, обеспечение равенства субъектов судопроизводства, выяснение всех фактических обстоятельств.

Современное процессуальное и материальное законодательство сделало легитимными личностно-нравственные категории «совесть»,

«достоинство», «внутреннее убеждение», что еще раз подчеркивает наличие субъективного и творческого начал в правосудии. Так, Закон РФ «О статусе судей в Российской Федерации» содержит текст присяги судьи, включающий следующее: «Торжественно клянусь честно и добросовестно исполнять свои обязанности, осуществлять правосудие, подчиняясь только закону, быть беспристрастным и справедливым, как велят мне долг судьи и моя совесть» [1]. Соответственно, качество судопроизводства не сводимо к уровню владения судей позитивным правом, только единство нормативной и ценностной систем позволяет говорить о профессионализме служителей Фемиды.

В контексте осуществления правосудия востребована и такая правовая ценность как правоморальное долженствование, предполагающее слияние феноменов «моральный долг» и «юридическая обязанность». Нормы российского специального законодательства и актов, исходящих от самого сообщества судей, подчеркивают конвергенцию профессиональной деятельности и нравственного долга. Кодекс судейской этики ввел обязательные для каждого судьи правила поведения, основанные на высоких нравственно-этических требованиях» [4]. В акте, принятом судейским сообществом, устанавливаются повышенные нравственно-этические требования к судье, обусловленные его статусом. В частности, судья «должен следовать высоким стандартам морали и нравственности, быть честным, в любой ситуации сохранять личное достоинство, дорожить своей честью, избегать всего, что могло бы умалить авторитет судебной власти и причинить ущерб репутации судьи» [4].

Не менее остро стоит и проблема свободы, точнее, свободы выбора в контексте ответственности и понимания последствий акта правосудия. Свобода и независимость на фоне связанности нравственными императивами обеспечивают справедливую, беспристрастную деятельность судей. Категория «судейское усмотрение» призвана устранить неопределенность и ограниченность закона путем конкретизации спорного права. Судейское усмотрение позволяет критически подходить к нормам права, подвергать их оценке и анализу через обращение к правовым идеалам и принципам. Свобода судейского усмотрения предполагает пределы самостоятельности воли судьи, в рамках которых принимается решение. Нравственно-правовые границы судейского усмотрения очерчены категориями справедливости, добросовестности, разумности.

Социализация судьи предполагает эволюцию его ценностных ориентаций в контексте взаимодействия внутренних свойств и внешней профессиональной среды. Председатель Конституционного Суда России В.Д. Зорькин призывает не допускать противопоставление человека

и государства: «И не надо для этого менять ядро нашей культуры, надо правильно соединить Дух народа и содержание права, традицию и современность» [2]. Необходимо целенаправленное формирование профессионального правосознания судей с опорой на нравственные ценности чести, достоинства, осознания особого долга служителей Фемиды перед обществом и др. В свою очередь, мораль и нравственность должны быть защищены правосудием, в противном случае это будет дестабилизировать правовую ценностную систему. К сожалению, действующее законодательство не обеспечивает подлинной независимости судей от иных ветвей государственной власти, от вышестоящего руководства в рамках судебной системы, превращая судей де-факто в простых чиновников, что не соответствует природе правосудия и его социальной миссии.

Единство ценностных ориентаций является важным свойством дифференциации профессиональных групп в среде юристов. В структуре профессионального правосознания правовые ценности и идеалы являются доминантными компонентами процессов социализации юриста, в силу чего, любые сбои в аксиосфере неизбежно запускают механизм разрушения.

Важность принимаемых юристами решений обуславливает предъявление требований не только к их качеству и законности, но, также, актуализирует общественный запрос на их гуманность и справедливость. Что невозможно вне ценностной корреляции этических и правовых категорий: справедливости и правды, прав и долга, достоинства и чести, свободы, равенства, порядка и др. В качестве отдельного направления развития следует выделить необходимость совершенствования юридической образовательной стратегии, уход от технократических подходов, формирующих искаженные подходы к праву как к исходящим от власти приказам и директивам.

Уровень профессионального понимания права особыми субъектами - правоприменителями в значительной степени влияет на правовой статус общества. Современное правосознание специальных субъектов аккумулирует многие правовые ценности русского консерватизма, в том числе, «справедливость», «порядок», «ответственность», ориентированы судьи и на развитие нравственных качеств в контексте профессионального развития. Эффективность функционирования судебной системы обусловлена, в том числе, доверием к институту, возможном лишь при условии воплощения подлинно независимого, справедливого, гуманного правосудия, способного к конвергенции предписаний закона и требований человеческого духа.

Список литературы:

1. Закон РФ "О статусе судей в Российской Федерации" от 26.06.1992 N 3132-1 (ред. от 25.10.2019) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Зорькин В.Д. Право в условиях глобальных перемен: монография. М.: НОРМА, 2013. 496 с.
3. Ильин И.А. О сущности правосознания. М.: «Рарогъ», 1993. 235 с.
4. Кодекс судейской этики от 19 декабря 2012 г. (утв. VIII Всероссийским съездом судей 19 декабря 2012 г.) (с изменениями и дополнениями) // СПС «Гарант».

**ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ
РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
В СФЕРЕ «ВОЙН ПАМЯТИ» («ВОЙН ПАМЯТНИКОВ»)
В СОВРЕМЕННЫХ ПУБЛИКАЦИЯХ
(ОБЗОР ДИСКУССИЙ, ПРЕДЛОЖЕНИЙ,
РЕКОМЕНДАЦИЙ)**

Рубин Владимир Александрович

д-р культурологии, канд. ист. наук, доцент,

Оренбургский институт (филиал)

*ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет
им. О.Е. Кутафина (МГЮА)»,*

РФ, г. Оренбург

**HISTORY OF FORMATION AND DEVELOPMENT
OF THE RUSSIAN CRIMINAL LEGISLATION IN THE FIELD
OF "MEMORY WARS" ("MONOTOR WARS")
IN MODERN PUBLICATIONS
(REVIEW OF DISCUSSIONS, SUGGESTIONS,
RECOMMENDATIONS)**

Vladimir Rubin

DSc in Culturology, PhD in History, Associate Professor,

Orenburg Institute (branch)

O.E. Kutafin Moscow State Law University,

Russia, Orenburg

Аннотация. На современном этапе насущным вопросом является правовая охрана исторической памяти, материального культурного наследия и культурных ценностей Российской Федерации. В статье дается историографический обзор, позволяющий осмыслить ключевые подходы, современные тренды, период становления законодательства в сфере противодействия фальсификации отечественной истории.

Abstract. At the present stage, the urgent issue is the legal protection of historical memory, material cultural heritage and cultural values of the Russian Federation. The article provides a historiographical overview that allows us to comprehend key approaches, modern trends, the period of formation of legislation in the field of countering the falsification of national history.

Ключевые слова: история государства и права; войны памяти; историческая память; уголовное законодательство; противодействие фальсификации истории.

Keywords: history of the state and law; wars of memory; historical memory; criminal legislation; countering the falsification of history.

Предпринятый нами анализ современных публикаций, вышедших из-под пера юристов, правоведов, преподавателей высшей школы на предмет уголовно-правовой охраны исторической памяти, выявил ряд тенденций. Одна из них заключается в том, что «войны памятников» стали рассматриваться как объект, требующий юридического противодействия. Такая постановка вопроса далеко не спонтанна. Долгое время на «войну памятников» в большей степени реагировало не столько юридическое сообщество, сколько общественное мнение. Делались попытки увидеть в «войне памятников» историческую предопределенность, характерную для всех цивилизаций: «Войны памятников – это одно из средств реализации государственной политики в сфере национального самосознания, а ещё шире – политики в области исторической памяти, с помощью которой власти пересматривают интерпретации и оценки прошлого в интересах своего настоящего» [14].

Следующая тенденция – переход от констатации фактов фальсификации истории, их нравственной оценки, пагубности подлогов и лживых измышлений для подрастающего поколения до доказательства необходимости бороться со всеми проявлениями фальсификации истории страны, истории войн как Второй мировой, так и Отечественной при помощи уголовных норм [9], [13], [17].

Ещё одной особенностью в профессиональном дискурсе можно назвать то, что всё больше сторонников приобретает идея ужесточения уголовных наказаний за фальсификацию истории Российской империи – СССР – Российской Федерации.

Но уже в годы «перестройки» имели место быть первые преступления, которые позднее подпадут под действия, реабилитирующие нацизм [19]. И вновь была сделана попытка с помощью исторической ретроспективы, исторического анализа понять феномен «войн памяти», «войн памятников». Это ярко демонстрировал проект первого десятилетия 2000-х гг. «Историческая политика и политика памяти в СССР, РФ и СНГ», воплотившейся в исследовании Г.А. Бордюгова «Войны памяти» на постсоветском пространстве» [3].

Призывы «перестать политизировать советское прошлое», «создать преграды на пути раскола российского прошлого», исполниться «гражданской ответственности за историю» не были услышаны. «Войны памяти» и «войны памятников» не перестали быть востребованными теми, кто не прекратил попыток «переписать» историю Второй мировой и Великой Отечественной войн.

В 2014 г. в Уголовный Кодекс РФ была введена ответственность за «фальсификацию исторических сведений, установленных приговором Международного военного трибунала» (статья 354.1 «Реабилитация нацизма» [15]).

После того, как указанная статья вступила в действие, юридическая общественность стала выражать обеспокоенность не проработанностью теоретических толкований ст. 354.1 УК РФ. Вопросы, требующие компетентных ответов, были поставлены кандидатом юридических наук Е.В. Червонных [20]. Претензии, предъявленные автором, касались категориально-понятийного аппарата, который нуждался в однозначности, а также содержания объективных и субъективных признаков состава преступления. Е.В. Червонных поднял и проблему, затрагивающую «войну памятников». Суть её – в отсутствии законодательного определения и такого предмета преступления, как «Символы воинской славы России». В ст. 354.1 УК РФ данное понятие ограничено оценочным определением, позволявшим считать «символами воинской славы» и военные медали, ордена и военные памятники, и братские могилы [20, с. 26-27] и т.д. Обращено внимание на определение перечня действий, посредством которых может быть выполнена объективная сторона преступления. Данный перечень нуждался, по мнению автора, в персонализации. Поднят вопрос о необходимости внесения в УК РФ чёткого определения «публичности».

Несколько шире подошёл к анализу правовых аспектов ответственности за фальсификацию итогов Второй мировой войны аспирант Пензенского государственного университета М.Х. Мустафин [12]. Он аргументированно отнёс фальсификацию исторических событий к проблеме государственного масштаба. Отсюда – введение уголовной

ответственности (ст. 354.1 УК РФ [15]), а также административной (ст. 13.15 КоАП РФ [16]).

Автор считает, что в законодательстве РФ присутствуют реальные средства защиты истории Отечества от преднамеренных искажений. Однако поле защиты ограничено в перечисленных статьях, поскольку речь идёт только о тех исторических событиях, которые получили оценку в приговоре Международного военного трибунала.

М.Х. Мустафин обращает внимание на то, что в законодательстве РФ предусмотрена процедура привлечения к ответственности за фальсификацию, даже если это произошло на территории другого государства. Тем не менее, автор настаивает на необходимости реализации комплекса мер, которые смогут обеспечить защиту истории страны, противодействовать развязанной Западом «войны памяти». В этот комплекс внесены как противодействие различного рода фальсификациям со стороны профессиональных историков, так и равнодушной широкой общественности, так и закреплении в юридических актах значимых исторических событий, представляющих национальную гордость россиян.

Даже из рассмотренных выше работ, а это только малая доля того, что печаталось на страницах профессиональных журналов и сборников по теме уголовно-правового противодействия фальсификации истории России, становится очевидным, что правоведам и юристам пришлось искать ответы на чрезвычайно широкий круг вопросов, ранее не входивших в правовое поле. Мы уже говорили о «войнах памяти», «войнах памятников». Их продолжила «официальная политика памяти», «конституционно-правовой институт охраны исторической памяти» и др. О широте полемики свидетельствуют публикации А.А. Дорской и А.Ю. Дорского [7], В.Д. Мазаева [11], П.А. Астафичева [1].

Ученые обращаются к опыту отдельных стран, в которых законодательно защищена историческая память, а посягательство на неё криминализировано [4, с. 501-504].

В 2018 г на страницах журнала «Пробелы в российском законодательстве» в рубрике «Уголовно-правовая охрана памятников советским воинам, павшим во Второй мировой войне» была помещена работа целого коллектива авторов, докторов юридических наук [18].

Актуальность озвученной проблемы заключается в том, что ситуация со сносом памятников, посвящённым советским воинам-освободителям на территории Западной и Восточной Европы только обострилась. Вандализм перерос в фальсификацию истории Второй мировой и Великой Отечественной войн.

Факт уничтожения, демонтажа, осквернения, переноса памятников, а также реакция на эти деяния местных властей заставили российских

юристов и правоведов вынести на повестку дня вопрос: существует ли возможность защитить памятники не на территории России, рассматривая это как средство отпора тем «интерпретаторам» событий 1930 – 1940-х гг. Российский уголовный закон должен поставить препоны на пути фальсификаций даже на указанных территориях. Возможность провести необходимое в жизнь прослежено авторами на примере Польши, польского законодательства. В этой стране действует закон о декоммунизации. Закон подводит правовую базу под правомерность сноса памятников советскому солдату-освободителю Европы от «фашистской чумы». Данные объекты позиционированы как «пропагандирующие коммунизм».

А.А. Чистяков, Л.Р. Клебанов, О.А. Кузнецова считают, что противовесом польскому законодательству с его «войной памятников» должно стать обращение к содержанию тех международных договоров и соглашений между Россией и Польшей, которые затрагивали вопросы исторической памяти, в частности, принятые в 1994 г. «Соглашение о захоронениях и местах памяти жертв и репрессий».

Польская сторона настаивает на том, что памятники, мемориалы и обелиски не подпадают под действие существующих российско-польских отношений. Российские юристы аргументированно доказали обратное и дали положительный ответ на вопрос: существует ли возможность привлечь фальсификаторов истории, не являющихся гражданами РФ, к уголовной ответственности в соответствии с российским законодательством.

Введение уголовной ответственности за искажение истории Второй мировой войны, за фальсификацию, подлог и ложную подачу событий и оценок не могло не вызвать в обществе реакции. Обнаружилась диаметрально противоположная тенденция: от требований расширить сферу применения уголовного наказания не ограничивались лишь пределами выводов Нюрнбергского трибунала – до неприятия указанной ст. УК, расцениваемой как свидетельство усиления репрессивных функций государства. В том числе и данная реакция стала отправной точкой для тех учёных, экспертов, которые обратились к анализу уголовно-правовых установлений, норм и прецедентов, имеющих место быть в ряде государств Запада.

Сравнительный анализ российского и французского законодательства предприняли А.Ю. Дорский и Н.Н. Черногор [8]. Авторами отмечено, что в отличие от французского, российское мемориальное право подходит под определение «мягкого», но никоим образом не криминализовано.

И.А. Варченко и Л.Г. Литвяк ссылаясь на законодательства Австрии, Бельгии, Германии, Польши, Словении, Франции, Швейцарии, Канады, Израиля, Португалии и других стран, показали, как в их уголовных

кодексах и специальных законах прописано наказание за публичное отрицание, преуменьшение или оправдание нацистских злодеяний [4, с. 501].

Работа С.А. Куликовой и И.Д. Кирносова хоть и посвящена конституционному праву как защитному механизму исторической памяти, затрагивает и уголовное право в том же русле [10].

Доктор исторических наук, профессор департамента систем судопроизводства и уголовного права Высшей школы экономики А.В. Денисова предприняла сравнительно-правовой анализ норм международного права и зарубежного законодательства с целью выявления перспективных направлений совершенствования российского уголовного законодательства по противодействию попыткам реабилитировать нацизм [6, с. 107-116]. Указанные попытки являются явным проявлением «войн памяти». Автор утверждает, что несмотря на то, что отечественные юристы после введения в УК РФ специальной правовой нормы, криминализирующей реабилитацию нацизма, произвели тщательный уголовно-правовой анализ нововведения, но продолжает существовать дефицит компаративистских исследований составов преступлений, так необходимых в наше время [6, с. 108].

А.В. Денисова доказывает существование преемственности между российским уголовным законодательством в отношении противодействия нацизму и неонацизму и подобной практики в зарубежных странах. Ссылка делается на Модельный закон государств-участников Содружества Независимых Государств о недопустимости действий по реабилитации нацизма. Данным законом установлено, что административная и уголовная ответственность физических и юридических лиц, совершающих действия, расцененные как реабилитация нацизма и героизация нацистских преступников должна быть предусмотрена национальным законодательством государств [6, с. 107-116].

В Российской Федерации это воплотилось в ст. 354 [15]. Автор подробно проанализировал данную статью и был сделан вывод: «по характеру и степени общественной опасности законодатель отнёс данные составы преступлений к преступлениям небольшой и средней тяжести» [6, с. 109].

А.В. Денисова дала картину как в Республике Беларусь поставлена работа по противодействию реабилитации нацизма. Проанализирован закон РБ от 14 мая 2021 г. № 103-3 «О недопущении реабилитации нацизма», изменения в УК Республики Беларусь 1999 г. – ст. 130.1 УК РБ. Сделан вывод о суровости санкций белорусской уголовно-правовой нормы. Сравнительный анализ опыта россиян и белорусов позволил автору сделать вывод о том, что «в отечественной системе права в части отсутствия специального указания на преступность действий по прославлению нацистских преступников» [6, с. 111].

А.В. Денисова скрупулёзно исследовала опыт Армении и Молдовы по противодействию реабилитации нацизма и пришла к мнению о том, что наиболее детальное правовое регулирование вопросов противодействия реабилитации нацизма содержится в российском, белорусском, армянском и молдавском законодательстве [6, с. 113].

Перейдя к анализу уголовного законодательства стран Запада, А.В. Денисова оценила подход Германии в рассматриваемой сфере как более суровый, чем у россиян и белорусов. Интерес представляет опыт Израиля, который путём специальных законодательных актов запрещает действия по реабилитации нацизма, а также опыт Италии, Испании, Нидерландов.

Автор заостряет внимание на том, что в ряде европейских стран даже при отсутствии специальных уголовно-правовых запретов реабилитации нацизма «соответствующие деяния могут подпадать под действие уголовно-правовых норм об экстремистских преступлениях, либо о преступлении против мира и безопасности» [6, с. 115].

Проследивая современные инициативы России, а также государственных ОДКБ, А.В. Денисова выражает уверенность в том, что уголовно-правовое регулирование противодействия попыткам реабилитации нацизма активно развивается, совершенствуется правоприменительная практика, берётся во внимание положительный законодательный опыт, который наработан за рубежом [6, с. 115].

«Войны памяти», «войны памятников» не зря называют эффективным средством «перевоспитания» и мобилизации масс на борьбу за чьи-либо политические интересы. Юристы понимают это и заостряют своё внимание на то, под какой «пресс» попадает система патриотического воспитания.

Кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России А.Л. Бредихин посвятил свою работу вопросу правовой регламентации борьбы с фальсификацией истории России. При этом особый акцент сделан на то, что поток фальсификации в первую очередь дезориентирует молодых. Государство обязано сделать всё возможное для «обеспечения сохранения исторической памяти народа и защиты от разрушающего воздействия ложных идей и злонамеренных посягательств» [2]. Отмечено наличие системной работы по противодействию искажению истории нашей страны, а также то, что на сегодняшний момент в российском законодательстве отсутствует подробная разработка правовой регламентации ответственности за фальсификацию. Автор подробно анализирует статью 354.1 Уголовного кодекса РФ [15] и на этой основе делает вывод о необходимости усовершенствования правовой регламентации законодательства.

Предлагается внести в Уголовный кодекс РФ статью об оскорблении исторической памяти. Для этого лучше всего подходит глава 29 Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства. По мнению А.Л. Бредихина необходимо ввести подобные статьи в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, а также в Гражданский кодекс РФ. Новый виток «войн памяти» и «войн памятников», который мы наблюдаем сегодня, помимо ложного «переосмысления» событий 1930-х-1940-х гг., несёт за собой неизмеримо большие риски. Их анализ послужил поводом для коллектива авторов, в который вошли не только юристы, но и видные педагоги, провести, а затем и проанализировать социологическое исследование по выявлению общественного мнения по поводу расширения уголовной ответственности за фальсификацию истории Второй мировой и Великой Отечественной войн [20, с. 127-145].

Авторы считают, что причина попыток «переформатировать» историческое сознание народов, предпринимаемых США и их союзниками, лежит в плоскости стремления к тотальной гегемонии. Отсюда и обращение к теме указанных войн, которая раз за разом преподносится в том ключе, который выгоден Западу. Для придания «объективности» привлекаются научные круги, которые обосновывают знак равенства между нацистской Германией и Советским Союзом, считая последний инициатором развязывания Второй мировой войны и т. п.

В анализируемой работе особый акцент сделан даже не на фальсификации истории, а на тех последствиях, которые она представляет для современности. Обосновано выделено четыре основных аспекта: 1) Переоценка места и роли Советского Союза в событиях 1930-х-1940-х гг. чревата пробуждением инициатив по трансформации той системы международной безопасности и международных границ, установленных в 1945 г.; 2) Риски на пути к многополярности системы международных отношений; 3) Неонацизм поднимает голову в условиях переписывания истории, а вместе с ним и идеи реваншизма, вражды между народами; 4) Ярлык тоталитаризма, который Европарламент навязал СССР-РФ, негативно влияет на Российскую Федерацию как Субъекта ООН.

Авторы правомерно считают, что юридическое противодействие назрело [20, с. 129]. Ряд мер уже действует – правовой режим охраны исторической памяти о событиях Второй мировой и Великой Отечественной войн установлен. Данный режим заложен в преамбуле Конституции РФ, в тех статьях, где говорится об охране исторической памяти, в ряде федеральных законов, в деятельности Комиссии при Президенте РФ по противодействию попыткам фальсификации истории (2009 г.)

Российское государство, как указывают авторы, примерно с 2010-х гг. перешло к многофакторному подходу в политике защиты исторической памяти. Было создано Российское историческое общество (РИО), Российское военно-историческое общество (РВИО), заработал национальный проект «Без срока давности» и др. В 2014 г. Уголовный кодекс пополнился статьёй 354 [15], вводящей уголовную ответственность за реабилитацию нацизма.

Авторы вместе с тем констатируют: при наличии вполне объёмной нормативной базы по сохранению исторической памяти существует пробел – «историческая память» как понятие абстрактно. Традиционное социологическое наполнение феномена «исторической памяти» неприемлемо для юридической практики, поскольку основано на субъективизме. Авторское мнение таково: «чтобы исключить субъективность воспроизведения происходящих событий, индивидуальный опыт не должен составлять основу исторической памяти, он должен формировать основу исторической памяти, он должен формировать историческое информационное пространство, создаваемое посредством коммуникационной и образовательной среды ...» [20, с. 132]. «Историческая память» таким образом наполняется материальными и нематериальными объектами: памятниками, мемориалами, источниками и др.

Далее авторы статьи рассматривают юридический аспект проблемы и указывают на существующие пробелы в уголовном законодательстве, не позволяющие эффективно охранять историческую память.

Неоднозначность взглядов на расширение сферы применения уголовно-правовых средств в отношении фальсификаторов истории вызвала желание провести указанное социологическое исследование и выяснить, какие настроения доминируют в обществе. В качестве гипотезы прозвучало следующее: «установление уголовной ответственности за фальсификацию исторических сведений способно эффективно противодействовать искажениям истории в современном обществе и позволит охватить более широкий круг преступных деяний в сфере охраны исторической памяти народов Российской Федерации» [21, с. 132].

Социологическое исследование выявило следующее. Умышленное искажение истории Великой Отечественной войны зафиксировано большинством опрошенных. Большинство согласилось с тем, что необходимо противодействовать фальсификаторам. Относительно способов противодействия 45% поддержало введение законодательной ответственности за подлог, подтасовку, «переписывание» истории войн. За «охрану исторической правды» выступило 89% и т. д.

Главным результатом социологического исследования явилось выявление положительного отношения к установлению репрессивной меры охраны исторической памяти о Второй мировой и Великой Отечественной войнах в виде новой специальной уголовно-правовой нормы.

Таким образом, анализ публикаций последних лет подтвердил наличие тех тенденций, о существовании которых мы сделали предположение в начале обзора. Вполне оправдано введение уголовного наказания за «переписывание» истории в целях её фальсификации и нанесение удара по национальной идентичности россиян, внесения смуты в умы наших граждан, особенно представителей молодого поколения. Отсюда вытекает тема ряда исследований, посвященных анализу ст.354 УК нахождение в ней ряда пробелов.

Список литературы:

1. Астафичев П.А. Обеспечение защиты исторической правды как новый принцип в конституционном праве современной России // Правоприменение. – 2020. – Т.4, №4. – С. 5-11. URL: [https://doi.org/10.24147/2542-1514.2020.4\(4\).5-11](https://doi.org/10.24147/2542-1514.2020.4(4).5-11)
2. Бредихин А.Л. Правовая регламентация борьбы с фальсификацией истории России // Экономика. Социология. Право. – 2020. – № 4 (2). – С. 101-105.
3. Бордюгов Г.А. «Войны памяти» на постсоветском пространстве. – М.: АИРО – XXI, 2011.
4. Варченко И.А., Литвяк Л.Г. Уголовное законодательство зарубежных стран об ответственности за преступления, аналогичные ст. 354.1 УК РФ «Реабилитация нацизма» (часть 2) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – № 11, – ч. 2.
5. Вяземский Е.Е. Проблема фальсификации истории России и общее историческое образование: теоретические и практические аспекты // Проблемы современного образования. – 2012. – № 1.
6. Денисова А.В. Уголовная ответственность за действия, реабилитирующие нацизм: сравнительно-правовой анализ // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2023. – Т. 19, № 1.
7. Дорская А.А., Дорский А.Ю. Официальная политика памяти современной России: юридическое измерение // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2018. – Т. 9, вып. 2. – С. 124-138. URL: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu.14.2018.201>.
8. Дорский А.Ю., Черногор Н.Н. Вторая мировая война как социальная травма: сравнительные анализ российского и французского законодательства // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2019. – Т. 10, вып. 2. – С. 311-331. URL: <https://doi.org/10.21638/spdu14.2019.208>.
9. Криворученко В.К. Борьба с фальсификацией истории на постсоветском пространстве: история или политика // Вестник РУДН. Серия «История России». – 2012. – № 4. – С. 121-130.

10. Куликова С.А., Кирносов И.Д. Охрана исторической памяти как институт конституционного права: российский и зарубежный опыт // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2022. – Т. 22, вып. 1. – С. 65-72. URL: <https://doi.org/10/18500/1994-2540-2022-22-1-65-72>.
11. Мазаев В.Д. Поиск новых смыслов продолжается (по внесенным поправкам к Конституции РФ) // LexRussica (Русский закон). – 2021. – Т. 74, № 7. – С. 15-31. URL: <https://doi.org/10/17803/1729-5920.2021.176.7.015031>
12. Мустафин М.Х. Правовые аспекты ответственности за фальсификацию итогов Второй мировой войны // Электронный научный журнал. Наука. Общество. Государство. – 2016. – Т. 4, № 1 (13). URL: <http://esj.pnzgy.ru> ISSN 2307-9525 (Online).
13. Патриотизм в представлениях россиян (Левада-Центр) URL: <https://www.xn--blazcy.xn--plai/vystupleniya-smi/patriotism-v-predstavleniyah-rossiyan-levada-tsentr>
14. Стрелова О.Ю. Войны памятников // История. – 2013. – № 4. – С. 40.
15. Федеральный закон от 05.05.2014 № 128-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2014. 12 мая. № 19. Ст. 2333.
16. Федеральный закон от 05.04.2021 № 58-ФЗ "О внесении изменений в статьи 3.5 и 13.15 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Официальный интернет-портал правовой информации URL: <http://pravo.gov.ru/novye-postupleniya/federalnyy-zakon-ot-05-04-2021-58-fz-o-vnesenii-izmeneniy-v-stati-3-5-i-13-15-kodeksa-rossiyskoy-fed/>
17. Хаврак А.П. Фальсификация истории и проблемы формирования патриотизма // Вестник экономической безопасности. – 2016. – № 1.
18. Чистяков А.А., Клебанов Л.Р., Кузнецова О.А. Особенности уголовно-правовой охраны памятников советским воинам, павшим во Второй мировой войне // Пробелы в российском законодательстве. – 2018. – № 3. – С. 277-280.
19. Чураков Д.О. Современные фальсификации истории Великой Отечественной войны // Всемирная история: интернет энциклопедия. URL: https://w.histrf.ru/articles/article/show/sovremennyye_falsifikatsii_istorii_vielikoi_otiechiestviennoi_voiny
20. Червонных Е.В. Уголовно-правовая характеристика преступлений, предусмотренных статьёй 354.1 «Реабилитация нацизма» УК РФ, и отдельные проблемы её правоприменения // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2015. – № 4. – С. 21-27.
21. Шамсунов С.Х., Меркурьев В.В., Агапов П.В., Новиков А.В., Радченко Т.В., Шевелева К.В. Уголовно-правовая охрана исторической памяти народов Российской Федерации о событиях Второй мировой и Великой Отечественной войн: опыт социологического исследования // Пенитенциарная наука. – 2022. – Т. 16, № 2 (58). Doi:10/46741/2686-9764.2022.58.2.002.

3.4. УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

ПРЕСТУПНЫЕ СООБЩЕСТВА (ПРЕСТУПНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ) В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Симонова Анастасия Николаевна

*учитель обществознания,
МБОУ «СОШ №16 с УиОП»,
РФ, г. Лысьва*

Аннотация. В данной статье рассматривается понятие преступного сообщества (преступной организации). Законодательное определение преступных группировок. Проблемы разграничения понятий «преступное сообщество» и «преступная организация».

Ключевые слова: преступное сообщество, преступная организация, организация преступного сообщества.

Происходящие на территории РФ политические, социальные и экономические изменения не могли не сказаться на деятельности криминально ориентированных групп, и одним из негативных последствий указанных предпосылок стало усиление влияния организованных преступных формирований на общественные процессы.

Очевидно, что численный рост преступных группировок, характеризующихся сложной структурой, сплоченностью членов и кадровой устойчивостью, влечет значительное увеличение негативных последствий, проявляющихся в нарушении прав и законных интересов граждан, организаций и государства. В сложившихся условиях важным фактором обеспечения их должной защиты от криминальных посягательств выступает эффективный нормативный инструментарий. Ключевым условием, позволяющим реализовать задачи государства в борьбе с преступностью, является качество уголовно-правовых норм, обеспечивающих противодействие организованной преступности.

Актуальность проблемы организованной преступности является безусловной, так как она в современной российской действительности превратилась в реальную угрозу безопасности общества и государства.

Угроза общественной безопасности, возникающая при создании и функционировании преступного сообщества (преступной организации) обуславливается тем, что: 1) сообщество (организация) – это институт, неподконтрольный обществу и обладающий механизмами защиты от общественного контроля; 2) свои институциональные возможности сообщество (организация) использует не в соответствии с интересами общества, а вопреки им; 3) сообщество (организация) обладает возможностями осуществлять преступную деятельность на долговременной основе и в крупных масштабах [3]. Общая формулировка понятия «преступное сообщество (преступная организация)» раскрывается в статье 35 Уголовного кодекса РФ: «Преступление признается совершенным преступным сообществом (преступной организацией), если оно совершено структурированной организованной группой или объединением организованных групп, действующих под единым руководством, члены которых объединены в целях совместного совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды».

Также в Уголовный кодекс включена статья 210: «организация преступного сообщества (преступной организации)». Данную норму законодатель внес с целью противодействия организованной преступности. Это необходимо, потому что деяния, совершаемые преступным сообществом (преступной организацией) отличаются повышенной общественной опасностью и вредоносностью, оказывают негативное влияние на все сферы общественной жизни [1].

Объектом преступления, предусмотренного ст. 210 УК, является общественная безопасность, так как совершение тяжких и особо тяжких преступлений не только дестабилизирует социально-экономическую обстановку в стране, но и несет потенциальную угрозу для жизни и здоровья граждан.

С объективной стороны ответственность за данное преступление дифференцируется в зависимости от характера и степени участия конкретного лица в совершении деяния и выражается: во-первых, в создании преступного сообщества (организации), а равно в создании объединения организаторов, руководителей или иных представителей организованных групп; во-вторых в руководстве таким сообществом (организацией) или входящими в него структурными подразделениями; в-третьих, в участии в преступном сообществе (преступной организации); в-четвертых, в участии в объединении организаторов, руководителей или иных представителей организованных групп.

Создание преступного сообщества (организации) выражается в определении направлений деятельности преступного сообщества,

в разработке структуры, материальном обеспечении преступной деятельности, вербовке членов и т.п. Особенностью создания объединения организаторов, руководителей или иных представителей организованных групп является то обстоятельство, что оно создается для координации действий различных групп в едином направлении. В состав такого объединения могут входить неформальные лидеры, преступные авторитеты и т.п. Объединение может быть как постоянным, так и эпизодически собирать своих членов.

Однако, как показывает практика, применение данных норм оказалось низко результативным. Это объясняется несовершенством законодательных положений, нечеткостью формулировок, в связи с чем возникают трудности в их толковании в процессе правоприменения. Вызывает также сомнения соразмерность наказаний, установленных в санкции статьи 210 УК РФ, ее степени общественной опасности.

По этой причине в научной литературе появилось множество толкований основных положений указанной нормы. Для решения разногласий Верховный Суд РФ принял постановление с разъяснением положений статей 35 и 210 УК РФ [4]. Исходя из содержания, законодатель полностью отождествляет понятия «преступное сообщество» и «преступная организация». Следовательно (как поясняется в постановлении Верховного Суда РФ), и преступное сообщество, и преступная организация выражаются в двух формах: 1) в форме структурированной организованной группы и 2) в форме объединения организованных групп под единым руководством.

В данном случае такой подход к разъяснению понятий указывает на смысловое различие между ними. Наделение одинаковым содержанием двух различных понятий – «преступное сообщество» и «преступная организация», безусловно, не является образцом законодательной техники, однако, по замыслу законодателя, они должны пониматься правоприменителями как тождественные [2].

Термин «организация» определяется как группа людей, объединенных общей программой и целью на основе определенных правил и процедур. Указанная трактовка приводит к убеждению, что и преступная организация подпадает под данное понятие. Следовательно, «преступная организация» – это «структурированная организованная группа», которая законодателем не предусмотрена как отдельное понятие. В свою очередь, преступное сообщество имеет совсем другую сущность. Понятие «преступное сообщество» совпадает со второй формой соучастия – «объединение организованных групп».

Преступная организация — объединение лиц либо организованных групп для совместной преступной деятельности с распределением между участниками функций: по созданию организации; руководству ею;

иным формам обеспечения создания и функционирования преступной организации.

Преступное сообщество — объединение организаторов, или руководителей, или других представителей преступных организаций, организованных групп, или иных лиц для совместной разработки либо реализации мер по координации, поддержанию и развитию преступной деятельности или по созданию благоприятных условий для преступной деятельности и лиц, участвующих в ней.

Данное разграничение понятий имеет большое значение для оценки общественной опасности деяний и назначения меры наказания участникам каждого из этих формирований.

Актуальность рассматриваемой проблематики говорит об очевидной необходимости в фундаментальных научных исследованиях, не только направленных на оптимизацию действующих нормативных установлений, но и определяющих новые концепции уголовной политики противодействия наиболее развитым формам совместной преступной деятельности.

Для обеспечения эффективности уголовно-правовой нормы, регулирующей ответственность за создание преступного сообщества, необходимо расширить рамки данного понятия с учетом новых тенденций в формировании структур организованной преступности и их трансформации от иерархических к сетевым формам. В этих целях можно предложить следующее (рабочее) определение: преступное сообщество — это объединение организованных групп или структурированная организованная группа в составе нескольких лиц (не менее трех), которые объединились по иерархическому принципу (под единым руководством) либо по сетевому принципу (на основе комплементарности) с целью занятия преступной деятельностью.

Выводы и полученные результаты

Социальные системы в настоящее время имеют тенденцию к структурной перестройке от иерархической формы организации к сетевой. Преступность, представляющая собой одну из негативных подсистем общества, развивается одновременно с ним, приспосабливая свои структурные характеристики к инновационным процессам, происходящим в обществе. Это выражается в стихийной перестройке структур организованной преступности и в переходе от иерархических форм к сетевым, получившим наибольшее распространение в террористической и киберпреступности.

Уголовно-правовые меры противодействия преступности нуждаются в разработке новых понятий, соответствующих изменениям

в способах формирования организованных групп и сообществ. Научные проблемы, поднятые в настоящей статье, требуют дальнейшего углубленного исследования, так как сетевые преступные организации (сообщества), стихийно формирующиеся в криминальной среде, еще не были предметом глубокого научного исследования. Назрела необходимость в широкомасштабных исследованиях вопросов трансформации преступных сообществ с использованием статистических и иных материалов и с созданием категориального аппарата, соответствующего современному состоянию организованной преступности в глобальном мире.

Список литературы:

1. Комиссаров В.С., Кузнецов А.П., Сучков Ю.И. Ответственность за деяния, совершаемые преступным сообществом (преступной организацией): проблемы и пути разрешения // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. - Нижний Новгород: Изд-во Нижегород. акад. МВД России. -2021. - № 1 (14). - С. 194-200.
2. Петров С.В. Преступное сообщество и преступная организация: вопросы соотношения // Юридическая наука и правоохранительная практика. - 2020.- № 4 (38). -С. 73-76.
3. Прокументов Л.М. Вопросы квалификации по статье 210 УК РФ, обусловленные особенностями субъекта//Вестник Омского университета. Серия «Право». -2016. - № 1 (38).- С. 181–184.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. № 12 “О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)”// Бюллетень Верховного Суда РФ.-2010.- № 8.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

НАУЧНЫЙ ФОРУМ:
**ЮРИСПРУДЕНЦИЯ, ИСТОРИЯ,
СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ
И ФИЛОСОФИЯ**

*Сборник статей по материалам LXXVIII международной
научно-практической конференции*

№ 7 (78)
Июль 2023 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 17.07.23. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 4,25. Тираж 550 экз.

Издательство «МЦНО»
123098, г. Москва, ул. Маршала Василевского, дом 5, корпус 1, к. 74
E-mail: socialconf@nauchforum.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 3

**НАУЧНЫЙ
ФОРУМ**
nauchforum.ru